

Дни
Марши

Константин Певцов

*Дни
Марши*

Константин Певцов

Дни
Марши

Сибирская Благовонница
Москва
2011

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
№10-022-2297*

Обложка Попковой Е.В.

П 23 Певцов, К. К.

Дни Марии / Константин Константинович
Певцов. — М., Сибирская Благовонница, 2011. —
190, [2] с.

ISBN 978-5-91362-432-1

Эту историю рассказал мне Ветер...

История о том, что произошло в далекой
Палестине в весенние дни месяца нисана, об
Отдавшем жизнь ради нашего спасения и о Его
Пречистой Матери, рассказанная от лица всего
творения.

УДК 244

ББК 84

© Певцов К. К., текст, 2011

© Попкова Е. В., обложка, 2011

© Издательство Сибирская

Благовонница, оформление, 2011

ISBN 978-5-91362-432-1

Эту историю рассказал мне Ветер. Тот, что, вечно странствуя по земле, видит и слышит тайны людей. Не скажу тебе, читатель, что он просил меня записать его рассказ. Но мог ли я умолчать и оставить тебя в неведении? Соблазн был слишком велик для меня, и я решился рассказать тебе об этом. Правда, кое-кто может увидеть во всем этом ростки гордости и тщеславия. Но, честно сказать, ни я, ни мой друг не претендуем на новый апокриф. Считайте это просто воспоминанием об известных всем событиях. Пусть это будет записанная мною память сердца тех немых свидетелей, которые по определенным причинам не могли рассказать это и тем более написать в книге. Я же, будучи просто свидетелем рассказа

моего крылатого и вездесущего друга, постарался как можно точнее пересказать его вам. Удалось ли мне это или нет, судите сами. В конце концов, это просто рассказ Ветра, и не более того. И если у кого-то возникнут на этот счет какие-то сомнения, то нет ничего проще, как спросить об этом его самого. Ветер всего лишь Ветер, и всякий, кто захочет, легко сможет найти его.

Автор

Я Ветер и приношу на своих крыльях весну в великий город. Люди ждут моего прихода после долгой зимы и веселятся, как дети, чувствуя мое дыхание. Когда я прихожу в Великий Город, в нем распускаются сады и поют птицы. Все живое поет песню любви, радуясь весне.

Я Ветер, и сокровенные тайны доступны мне. Ничто не укроется от моего взора. За минувшие века и тысячелетия я видел многое. Многое хотелось бы забыть, многое запомнить. Но память — капризная подруга, она плохо меня слушается. И многие воспоминания беспокоят и тревожат меня. Мир людей открыт мне с начала творения. Я помню тот день, когда первые люди были

изгнаны из рая. И сейчас еще слышен мне плач Адама и Евы. Я, так же как и они, никогда уже больше не чувствовал ни с чем не сравнимые ароматы райских цветов. И уже, наверное, не услышу пения райских птиц. Ветер всего лишь ветер. Я скиталец, и стал им с того самого дня, когда первые люди покинули рай. Ты спросишь меня, что было потом? Была первая смерть и подлость убийства. Я видел и слышал предсмертный стон Авеля. И именно я рвал одежду Каину, когда он бежал в пустыню, пока стрела его потомка не поставила точку в его судьбе.

Потом был потоп, где я, послушный Его воле, изливал на ковчег потоки воды и бил его волнами. Но по Его же слову я принес Ною первое дуновение нового мира. Что я еще помню, спросишь ты? Очень многое, даже то, чего никто не видел и не слышал. Но сейчас я буду говорить о другом. Нет, я не буду перечислять всех патриархов от Адама до Авраама и хвастать знакомством с ними. Не расскажу я и о том, как по молитве Илии Он повелел мне иссушить землю. И три года и шесть месяцев я разгонял дождевые облака

так, что земля трещала от зноя, словно спелый орех. Даже гибель войска фараона и его потопление в море не так волнует меня.

Я расскажу тебе, человек, читающий эти строки, о тех трех днях самой тяжелой весны моей памяти. О трех днях далекой весны в Великом Городе. Потому что эти дни потрясли мир. И теперь, и всегда, когда я снова возвращаюсь в Город весной, я склоняю свою голову перед теми днями далекой весны месяца нисана. Я расскажу тебе, человек, о Его последних днях на этой земле. Но все-таки этот рассказ будет посвящен не Ему, а Той, что зовется Его Матерью. Сейчас всякий без сомнения назовет Ее Матерью всего мира. Но кто думал об этом тогда? Почему я буду говорить о Ней, даже если стану рассказывать о Ее Сыне? Это потому так, что, поверь мне, человек, никто на земле в те дни не пережил большей муки и страданий, чем Она. Плач Ее сердца до сих пор звучит так сильно, что я всегда плачу в ответ теплым весенним дождем в эти дни. Это слезы моей любви к Ней. Пусть каждый знает это. Таким же дождем скорби я плачу еще в день Ее памяти, в день

Ее Успения. Слезы всегда идут из моих глаз, если вдруг что-то напоминает о Ней. Вот и сейчас, когда я рассказываю эту историю, мне хочется пролиться на землю дождем. Но что мои слезы-дождь? Разве они могут хотя бы отчасти выразить ту боль, какой болело Ее сердце. Вряд ли это получится. Итак, человек, этот рассказ о Ней. Даже если я буду говорить о Ее Сыне. Поверь мне, это так. И простите меня, люди. Простите Ветер за его легкомыслие, но те три дня, потрясшие мир, я зову днями Марии. И, может, сегодня, хотя бы отчасти, но попробую рассказать о Ее страданиях и муках в ту далекую весну.

Я знал Ее с детства. Своей удивительной чистотой Она сразу привлекла мое внимание. Помню, как я тихо замирал у родника, когда Она приходила за водой. Светлая прозрачная вода трепетала, чувствуя прикосновение Ее рук. Там, где ступала Ее нога, распушались цветы и пели птицы. Мне довелось видеть Ее в тот день, когда там же, у родника, к Ней пришел Гавриил. Помню, как я был восторженно неосторожен, качнув ветку оливы. И как он грозно посмотрел на меня.

Я онемел тогда, совсем как Захария, и еще долго пустыня не слышала моего голоса.

Я был с нею и тогда, когда Елизавета плакала от радости встречи. И я знал, что Она носит Того, Кто правит всем. Я видел, как в небе горела Вифлеемская звезда. И дышал на Нее прохладой, чтобы принести Ей хотя бы небольшое облегчение. Я слышал, как стучало Ее сердце той ночью. Она знала, что родился Он. Я видел, как трепетало Ее сердце, чувствуя то, что когда-то придется пережить.

Был я с Ней и тогда, когда Она вместе с Иосифом бежала в Египет. И хорошо помню разбойников, окруживших их в дороге. Я был готов снести злодеев, словно пыль. Но Он улыбнулся мне из Своей колыбели. И я, растроганный, опустил свои могучие крылья. Разбойники тоже были поражены тем, что увидели. Но больше всего их пленила Ее красота и покой Великой Царицы мира, изливающийся из Нее, словно щедрый дар. И вчерашние злодеи стали кроткими, словно ягнята.

Я был с Ней все те годы, когда Он был еще мал. И играл с Ним, забавляя Его. Я то гонял

по небу воздушного змея, то ловко подбрасывал осеннюю листву, а иногда поливал теплым дождем жаркие улицы. И Она улыбалась, видя эти забавы. Как прекрасна Ее улыбка! Но поверь мне, человек, что уже тогда на Ней лежала грусть в ожидании грядущего. О великая тайна материнского сердца! Кто сможет понять всю твою глубину? А Ее сердце? Разве может быть что-то более глубокое, чем Ее сердце? Один из Его учеников написал потом, что Она слагала все в сердце Своем. Да, Она слагала в сердце, как в великой таинственной кладовой, тайны Его пребывания на земле. Она всегда знала, Кто Он, и, тем не менее, боялась за Него. Боялась страхом ожидания чего-то страшного и неотвратимого. И это приближалось.

Прошли дни Его проповедей. Уже был обезглавлен пророк Иоанн. Развязка великой трагедии бытия неотвратимо приближалась. И Она знала это. Ты спросишь меня, человек, как Она смогла пережить эти дни. Я отвечу честно: не знаю. Человеку это воистину невозможно. Но Его великая любовь придала Ей силы. И если бы не так, то, на-

верное, Ее сердце не выдержало. Те из Его учеников, которые потом описали эти дни, мало говорят о Ней. Так мало, что, может, кто-то решит, что Она была в стороне и не участвовала в этих событиях. Это не так. Те, кто был с Ним, молчат, чтобы не разрушить священную тайну Ее переживаний. Но я расскажу об этом. Не для того, чтобы приоткрыть завесу этой тайны, нет. Просто мне хотелось бы, чтобы всякий, читающий эти строки, мог хотя бы немного почувствовать весь драматизм Ее страданий в те дни.

Она знала, что тот Его приход в Великий Город был последним, и пошла с Ним, чтобы проводить Его. Могла ли Она противиться Ему? Нет, не могла. Потому что знала, что Он за этим и пришел в мир. И Она смирилась.

Весь Город был в движении и смятении. Те чудеса, что Он сотворил на глазах многих, настолько всех завлекали и поражали, что все говорили только о Нем. Многие тогда думали, что это великий царь. И скоро римское рабство падет. И вновь великий народ обретет свободу. Так думали многие, и я слышал эти разговоры и мечтания. Даже те, что были

с Ним и назывались Его учениками, так же были уверены в этом. Им, как и всем, казалось, что стоит Ему только объявить Себя царем, в тот же миг наступит эра великого царства счастья и благополучия. Как же они были наивны в своих ожиданиях! Но Она знала, что все будет не так. Что Ее Сына ждет казнь, смерть и лишь потом — победа. Но как может сердце Матери смириться с такой долей? Ответь мне, человек!

Я помню, как Он входил в Великий Город. Был ясный солнечный день, и все, не стовариваясь, вышли к воротам. Он въезжал в Город на молодом белом осле, и те, что ходили за Ним, сопровождали Его, словно свита Великого Царя. Помню первый крик радости в сердцах маленьких детей, которые, как всегда, лучше и острее, чем взрослые, чувствовали правду и истину. Дети стали рвать ветви пальм и бросать их Ему под ноги. И вот уже все, кто Его встречал в этот день, радостно кричат: «Осанна! Благословен Грядый во имя Господне!» Я до сих пор слышу этот крик, словно это было вчера. Как же скоро эти люди, разочаровавшись в Нем,

словно безумные, так же неистово кричали: «Распни!» Но это было потом. А тогда, в тот день, всеобщее ликование предваряло встречу. А что Он? Он плакал, человек. Да, Он плакал и скорбел тогда. Нет, Он не плакал о Своих страданиях, которых ожидал. Он плакал о Великом Городе, видя его неминуемую гибель.

Она тоже была с Ним в тот памятный день и провожала Его. Слезы были и на Ее глазах. Она скорбела о Сыне. Те, кто звались Его учениками, ликовали, как и все вокруг. Они мнили себя великими придворными грядущего царя. И уже мысленно делили почести и привилегии. И когда через несколько дней они поняли, что этого не будет, огорчились. И один из них, тот, кто желал этого больше других, решил Его предать. Я видел и знал это. Но кто станет слушать Ветер... Ты знаешь, человек, что его звали Иудой. Я расскажу тебе, как это было. Он всегда имел нечто дурное в себе. Но Тот, Кто был и есть его Учитель, поверь мне, человек, всегда желал его исправления. Часто, очень часто Он помогал ему бороться со страстью

сребролюбия. Но разве Иуда слышал и внимал этой помощи? Тот, кто жаждет земного, не знает насыщения, это и погубило его. Вот и тогда, в тот приход в Великий Город в один из первых дней недели, он шел делать необходимые покупки. Потому что Тот, Кто был его Учителем, доверял ему. Он знал, что доверие — самое хорошее лекарство для больных сердец.

Шум и суета восточного базара. Крики торговцев, запах пряностей и жареного мяса. Мелькание лиц, нарядов, обрывки фраз и разговоров. Все это кружит, словно водоворот. Среди такой пестроты очень просто потерять голову, и он потерял ее.

— Дорогу! Дорогу! — услышал Иуда. Он обернулся и увидел роскошные носилки. Их несли черные, как смола, ливийцы. Впереди шли двое воинов, хлестая плетью зазевавшихся прохожих. Сзади за носилками шли еще шесть солдат, вооруженных копьями. Иуда поторопился отойти в сторону. И когда носилки поравнялись с ним, он увидел красивую девицу, одетую в богатые одежды. Она держалась гордо и независимо. И Иуда не-

вольно залюбовался ее красотой. Незнакомка скользнула взглядом по его лицу и улыбнулась хищной улыбкой. Этот взгляд и улыбка словно укололи Иуду. «Как же она прекрасна!», — подумал он и вздохнул. Носилки плавно удалялись от него, унося прелестную девицу, словно несбыточную мечту. Он смотрел им вслед как замороженный, не двигаясь с места. Пока кто-то не толкнул его в спину.

— Что встал как вкопанный? — услышал он грубый окрик.

Иуда обернулся и увидел разносчика сладостей, тот явно был раздражен.

— Уйди с дороги! Ты что, иностранец и не понимаешь меня? — злился разносчик.

— Прости меня, господин, — извинился Иуда. — Ты не знаешь, чьи это носилки?

— Да ты, видно, с Луны упал. Это носилки Саломии, дочери Иродиады, жены Ирода.

— Носилки Саломии? — повторил задумчиво Иуда.

— Да. Это носилки молодой царицы, — охотно продолжил разносчик. — Ни для кого не секрет, что ее мать управляет Иродом как хочет. Он ее во всем слушает.

Иуда не стал больше слушать разглагольствования носильщика и поспешил удалиться. Он задумчиво побрел по базару. Красота и богатство лавок больше не привлекали его. Прекрасная царевна, ее мраморное лицо, зеленые хищные глаза влекли его словно магнит. Он побродил немного по улицам без цели. Ящик с серебряными и медными деньгами, который он носил на плече, казался ему теперь жалким и ничтожным. Деньги, которые лежали там, не могли дать то, что желала его душа. «Разве за медь купишь себе славу и богатство? — думал он. — И эта недоступная и вожденная красота молодой царевны не продается за гроши». Ему было вдвойне горько от того, что вчера Учитель ясно дал понять, что ждать царства и власти не стоит. Это не та цель, из-за которой Он пришел в Иерусалим. Горькое чувство обиды не покидало Иуду со вчерашнего дня. Он считал себя обманутым. Иуда побродил по городу и, сам не зная как, попал в Гефсиманский сад. Ему было хорошо знакомо это место. Именно здесь Учитель часто оставался наедине со Своими учениками. И именно

здесь вчера Он сказал, что земного царства не будет.

Иуда сел в тень раскидистого оливкового дерева и стал без цели перебирать в ладони сухой песок и мелкие камешки. «Я словно вот эта песчинка, — думал он, — подует ветер и унесет меня. Куда лучше быть камнем». Иуда подбросил песок на ладони и сильно дунул. Песчинки, подхваченные его дуновением, слетели на землю, камешки остались. Иуда снова дунул, но посильнее. Мелкие камешки слетели, остался один — тот, что побольше. «То, что больше и крупнее, то лучше держится и стоит на ногах, — решил он. — Стоит быть камнем, это прочно и устойчиво». Жизнь, которой он жил сейчас, была, по его мнению, похожа на песок. Мелкий речной песок, и не более того. Бродяжничество по городам, толпы нищих и калек, жизнь без крыши над головой. Все это было не похоже на ожидание грядущего царства. Нет, он любил Учителя, или ему казалось, что любил. За все время пребывания с Ним он видел многое и не мог оставаться равнодушным к постоянному присутствию чуда.

Все считали Учителя Мессией. Но почему Он не хотел быть царем? Этого Иуда понять не мог. Вот если бы он, Иуда, превратился из песчинки в камень и стал бы вдруг важным сановником при дворе нового царя, тогда... Разве не сможет он тогда одним словом превратить своих врагов в песок? Но почему Учитель все время уклоняется от власти, когда она сама не то что идет, а бежит к Нему.

Иуда отчетливо вспомнил, как Учитель остановил словом бурю и воскресил умершего Лазаря. «Таких пророков раньше не видела земля, это точно, — думал он. — Ему стоит сказать только слово, и все Его противники окаменеют, а может, и сгорят. — Иуда в этом не сомневался. — Но для этого нужно, чтобы хотя бы кто-то попытался наложить на Него руки. Он будет просто вынужден Себя защитить». Уверенность в этом была настолько сильна, что Иуда почувствовал какое-то жжение в груди чуть ниже сердца и задрожал от волнения. «Это то, что нужно, — решил он. — Осталось только создать необходимые условия». Иуда оглянулся вокруг. Большой тенистый сад был ему хорошо знаком. «Он

обязательно придет сюда, это Его любимое место. Здесь Он часто бывает ночью. Тишина, безлюдность, покой, никто не помешает, — решил Иуда. — Не стоит привлекать излишнего внимания толпы. Удобней места просто не найти». План потихоньку стал вырисовываться в его голове.

«Нужно было договориться с врагами Учителя в синедрионе, — размышлял он. — Для отвода глаз можно попросить и денег. Много они, конечно, не дадут, но это не важно. Так, по крайней мере, не будет излишних подозрений. Потом останется выбрать удобный день и сделать дело». Сердце еще сильнее застучало в его груди, и волнение усилилось. «Все вроде бы хорошо придумано, — подумал он. — А если вдруг сбудутся Его странные слова, те, что Он обронил еще год назад и повторил недавно? — с беспокойством вспомнил Иуда. — Он говорил о какой-то казни, смерти и воскресении». При воспоминании об этих словах Учителя Иуда почувствовал что-то вроде мимолетного покоя. Волнение улеглось, и стук в сердце прекратился. «Нет, нет! Прочь, наваж-

дение!» — решительно прогнал он тонкую, как паутина, мысль. И сердце снова сильно застучало. Но теперь этот стук уже не возбуждал и не волновал его, как раньше, а, наоборот, влек и манил. Он имел даже какой-то горьковато-кислый привкус и привлекательность. «Нечего тут сидеть, — подумал он и резко встал. — Надо идти поскорей, пока не стемнело». И он решительно шагнул по дорожке сада в сторону храма. В это мгновение резкий порыв ветра закрутил его плащ, и он чуть не упал.

— Противный ветер, — выругался Иуда.

И получил в ответ горсть песка и пыли в лицо.

Это я сбивал его с ног и сыпал в глаза песок, чтобы этот безумец не нашел дорогу. Я мог бы сбросить его в пропасть. И, конечно, легко бы это сделал. Но Тот, Кого он звал Учителем, сказал мне тихо и властно: «Не надо, оставь его». И я опустил свои крылья.

Слово Земли

Я Земля, на которой стоит Великий Город. Уже много веков я ношу его на себе, словно мать дитя на ладонях. Те, кто жил и живет в нем, — мои дети. Хотя вряд ли они сами знают об этом. Я видела многое, смерть, слезы и кровь — все впитывала моя плоть. Я же и принимаю своих детей обратно в себя, когда они уходят в последний путь. Часто я становилась свидетелем преступлений и бед, а иногда счастья и радости. Сколько горя видела я, разве вспомнишь все!..

Я Земля, и часто вспоминаю те далекие весенние дни. Они всегда в моем сердце. Разве забудешь то, что было тогда. И я свидетельствую тебе, человек, что помню каждый

день, как будто это было вчера. Я и сейчас слышу звук Его и Ее шагов по мне. Они в сердце моем, человек. Шаги Того, Кого звали Учителем. И Той, Кто была и есть Его Мать. Разве есть большее счастье, чем чувствовать на себе Их поступь и шаг? Нет большего счастья, человек.

Но я испытала и великую горечь, и утрату в те страшные дни. И хорошо помню, как я готова была распасться ущельем без дна, чтобы поглотить того, кто шел Его предавать. И сделала бы это, если бы Он не сказал мне тогда: «Оставь, что задумала. Пусть он идет». И я не посмела послушаться. Хотя уже был готов тот камень, которым я хотела раздавить предателя. И он пошел, терзая меня своими шагами.

Сворачивая с улицы на улицу, переходя от дома к дому, огибая площади, Иуда шел к храму.

— Может, пришло время поглотить храм, как Ты и говорил? — спросила я Того, Кого звали Учителем.

— Еще не время, — сказал Он и посмотрел на меня Своими полными любви глазами.

И я замолчала. Но при этом вздрогнула так, что задрожали стены домов.

— Успокойся, — утешил Он меня. — То, что должно случиться, пусть будет. Хотя Мне очень жалко его. — И Он посмотрел вслед входящему в храм Иуде.

Храм Великого Города. В те далекие дни он был таким же великим, как и сам Город. Украшенный и перестроенный Иродом, он возвышался над Городом, словно золотая скала. Иуда часто бывал в храме со своим Учителем. И ему было здесь все хорошо знакомо. Он быстро поднялся по широким ступеням и уверенно прошел в притвор Соломонов. Эта крытая галерея, обрамляющая внешнюю сторону храма, была тем местом, где Учитель часто спорил и беседовал с иудеями. Именно здесь вчера Он ясно дал понять, что те, кто ждет от Него земного царства, ждут напрасно. Иуда хорошо запомнил тот день и ответ Учителя вопрошавшим Его иудеям. Они спросили, стоит ли платить подать кесарю.

— Отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу, — таков был Его ответ.

Иуда, встав в тенистой прохладе при-
творра, не спеша осмотрелся по сторонам.
Множество паломников из разных стран,
приехавших на праздник, заполняли его.
Слышалась речь и споры на разных языках.
Иуда напряг слух, желая услышать то, что
его волновало.

— Я точно говорю тебе, это Мессия, —
говорил богато одетый паломник, по виду
похожий на грека.

— Тебе ли судить, Афанасий, — возра-
жал ему не менее богатый иудей, на лбу
которого висели ярко разукрашенные фи-
лактерии с изречениями из Исхода и Второ-
закона. — Не вам, грекам, судить о законе
и писаниях, — снова раздраженно повторил
он. — Мы не раз и не два изучили все упо-
минания о Мессии. И нигде, поверь мне, нет
ничего похожего на те дела, что творит этот
бродяга.

— Но воскресение мертвеца, бывшее не-
давно, разве оно вас ни в чем не убеждает? —
спросил Афанасий.

— Подобные фокусы должны смущать
простолюдинов, но не тебя, почтеннейший

Афанасий, — продолжал знатный иудей. — Или ты не знаешь, что египтяне весьма искусны в подобных чудесах?

— И все-таки, что бы ты мне ни говорил, почтеннейший Гамалиил, — снова возразил Афанасий. — Я не очень убеждаюсь твоими доводами. Хотя бы потому, что сам видел своими глазами исцеление паралитика. Говорят, он лежал сорок лет, как мертвый. И это подтвердят многие. И даже те, кто, как и ты, почтеннейший, служат великому закону.

— Это меня нимало не убеждает. Прежде всего потому, что твой новоявленный Мессия не чтит тот самый закон, которому, по твоим словам, я служу, — снова возразил Гамалиил. — Если хочешь знать, — продолжил он, — я не очень беспокоюсь о том царстве, которого ждет чернь и многие в синедрионе. Моя жизнь — это книги и знания. Кто так же, как и я, знает писания в этом Городе и народе? Так вот, скажу тебе честно, меня смущает в Нем только одно. Явное неуважение закона.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Афанасий.

— Я имею в виду то, что если и суждено нам с тобой дожить до дней Мессии, то в нем, прежде всего, следует видеть не чудеса. Настоящего Мессию узнают по строгому соблюдению закона.

— Ты, наверное, так говоришь из-за субботних дней, — предположил Афанасий.

— И из-за субботних, в том числе, — согласился Гамалиил. — Если Он и делает что-то хорошее, то зачем нужно так демонстративно попирать святыне обычаи? Я уверен, что Он делает это специально и намеренно. И именно это убеждает меня, что Он не Мессия.

— Мне отчасти понятно твое возмущение, — задумчиво сказал Афанасий. — Более того, умом, — и он постучал себя пальцем по лбу, — я тоже сомневаюсь и думаю, как ты. Но вот здесь, — и Афанасий дотронулся ладонью до груди в области сердца, — что-то такое, что не дает покоя и гонит прочь разум. Я знаю тебя много лет, Гамалиил, и уважаю тебя. Но признаюсь тебе — иногда мне безумно хочется идти за Ним. Так же как идут за Ним эти простые рыбаки из Галилеи.

Они кажутся мне необыкновенно богатыми и счастливыми людьми.

— В чем их богатство? — спросил Гамалиил и презрительно улыбнулся. — Они были и будут необразованными оборванцами, и не более того. Если Он — Мессия, Ему следовало бы прежде говорить с нами, учителями народа, а не с чернью.

— Нет, здесь все-таки что-то другое, — задумчиво продолжил Афанасий. — Я чувствую, что с каждым днем влечение моего сердца к Нему становится сильнее. Это влечение само по себе настолько сладостно, что оно и есть настоящее богатство. А те простаки, что идут за Ним, поверь мне, скоро смогут очень много сказать всем нам. И я завидую им, они счастливы, как дети.

— Ты просто слишком много читаешь греческой поэзии. Вам, грекам, свойственна мечтательность.

Иуда, конечно, узнал Гамалиила — знаменитого учителя закона. Он не раз видел его и слышал, как он спорил с Учителем. Но почему тот второй, неизвестный, завидует ему, Иуде, и другим ученикам? Этого

Иуда понять не мог. «Этот Афанасий явно богат и знатен. Зачем ему нужна та нищета, в которой они сейчас живут? — недоумевал он. — И что значат его слова о богатстве? Какое может быть богатство у бродяг, в которых превратились все мы, Его ученики? Этот человек не может желать высокого положения и власти. Все это он явно имеет, и имеет с избытком. Но чему он завидует?» — этого Иуда понять не мог.

Он еще раз осмотрелся вокруг. Пестрый разношерстный народ, разговоры на разных языках. «Нет, здесь не найти то, что нужно, — подумал он. — Пожалуй, придется идти к Каиафе. Там скорее поймут и оценят мое предложение», — решил он и вышел из храма.

На улицах города было невыносимо жарко, а путь был неблизким. Иуда хорошо знал дом первосвященника. И если раньше он вряд ли решился подойти к нему близко, то сейчас уверенным шагом поспешил к нему. Солнце слепило глаза, и ящик с монетами натирал бок. Но он шел, все ускоряя шаг, не замечая никого на пути и сам

себя поторапливая. Прошло немало времени, и вот, наконец, дом Каиафы. Большое мрачное здание, окруженное каменным забором. Иуда постоял немного в тени и отдышался. Он посмотрел вокруг на пустынную залитую солнцем улицу. «Это хорошо, что никого нет и меня не видят», — подумал он. То волнение, что было у него в саду, снова вернулось к нему. Сердце бешено застучало, и он, словно желая его успокоить, дотронулся до груди рукой. «Может, тот человек в храме был прав», — вспомнил он услышанную беседу в притворе. Помысл о правоте незнакомца почему-то снова успокоил Иуду. Совсем как такой же тихий помысл, пришедший ему в саду.

Иуда тоскливо посмотрел на небо. Там высоко в голубой дали летали ласточки. Они разрезали своими острыми, как ножи, крыльями горячий полуденный воздух. «Если бы и мне быть таким беззаботным, — подумал он. — Как, должно быть, счастливы птицы». И снова откуда-то из потаенной глубины памяти всплыло сказанное Им когда-то: «Посмотрите на птиц небесных, они не сеют и не жнут,

и Господь питает их. Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный». Иуда вновь посмотрел на птиц в небе и вздохнул.

«Человек не птица, — подумал он, — и мне не улететь туда ввысь». Он опустил глаза и тупо уставился на камни мостовой под ногами. Там, в свете полуденного солнца, поблескивал золотой динарий. Сердце снова стукнуло в груди Иуды. Он, воровато осмотревшись по сторонам, наклонился и поднял монету. Это был золотой динарий с изображением кесаря с одной стороны и правителя Иудеи Понтия Пилата с другой. «Золото надежней, чем пустые мечты. Нечего сопли жевать — решил, значит, решил», — и он, спрятав монету, пошел к воротам.

— Куда ты? — спросил его раб придверник и преградил дорогу.

— Доложи Каиафе, что к нему по неотложному делу пришел один из учеников Того, Кто смущает сейчас весь город.

Раб недоверчиво посмотрел на Иуду. Но его решительный вид подтвердил сказанное. Дверь захлопнулась, и Иуда остался

ждать на улице. «Скорее бы он пошевелился», — торопил он мысленно раба и воровато огляделся по сторонам. Улица было по-прежнему пуста, только солнце, пыль и ветер были свидетелями всего.

Наконец дверь распахнулась, и в проеме показался тот же раб.

— Господин ждет вас, — сказал он и пригласил Иуду войти.

Иуда облегченно вздохнул и шагнул в проем двери. Каиафа ждал его с явным нетерпением. Старый и хитрый священник давно ожидал чего-то такого, что могло бы помочь ему в том непростом деле, которое он затеял. Взять Учителя в храме и в городе было невозможно. Народ, окружавший Его, не дал бы этого сделать. Нужны были чрезвычайные обстоятельства, и вот, похоже, они наступили. Каиафа распорядился, чтобы все удалились, и ждал Иуду один в затемненном зале для приема гостей.

— Ты из Его учеников? — спросил он вкрадчиво вошедшего Иуду.

— Да, — хрипло ответил Иуда и закашлялся.

— Какое у тебя ко мне дело? — спросил Каиафа, дождавшись, когда его кашель прекратится.

— Сколько вы мне заплатите? — дрожащим от волнения голосом спросил Иуда. — Сколько вы дадите, если я предаю Его вам?

Каиафа пристально посмотрел на Иуду. Ему было хорошо видно волнение Иуды. «Что заставляет его это сделать, может, этот юноша что-то замышляет?» — подумал он.

— Зачем ты делаешь это? — спросил Каиафа.

— Мне нужны деньги, — ответил Иуда уже спокойнее.

«Похоже, этот мальчишка действительно решил заработать, — размышлял Каиафа. — Хотя, скорее всего, деньги здесь не главное. Наверное, у него какая-то обида на своего Учителя. Слишком уж он взволнован. И этот нездоровый блеск в глазах... Проверить это легко. Стоит только предложить ему небольшую сумму, и все станет ясно».

— Я дам тебе тридцать тедрах, — предложил Каиафа и, словно в подтверждение

своих слов, открыл кошелек, набитый серебром, и позвенел монетами.

— Я согласен, — торопливо сказал Иуда.

— Вот и хорошо, — обрадовался первосвященник.

«Какое мне дело, что там у них, ссора или обида? Главное, чтобы этот мальчишка не передумал», — решил он.

— Когда и как ты это сделаешь?

— Я выберу удобный момент и сообщу, где и как Его можно будет взять, — сказал Иуда.

— Хорошо. Но только это нужно делать незаметно и не при народе, — предупредил его Каиафа.

— Я и сам в этом заинтересован, — и Иуда улыбнулся зловещей улыбкой так, что, увидев ее, Каиафа вздрогнул.

— Его нужно арестовать до пасхи, — поторопил он. — Я скажу рабам, чтобы тебя пропускали ко мне в любое время.

— Лучшее время — это ночь, — ответил Иуда и, не дожидаясь ответа, поклонился первосвященнику и вышел.

Каиафа проводил его взглядом. «Это несомненная удача, — решил он. — И вряд ли

представится еще хоть один подобный случай». Он хлопнул в ладоши, и на звук пришел раб.

— Этого юношу пропускать ко мне в любое время и без задержек, — сказал он и строго посмотрел на слугу.

— Да, мой господин, — ответил раб и согнулся в поклоне.

Он хорошо знал, что приказ Каиафы следует выполнять со всей точностью, иначе возможно потерять не только удобную должность придверника, но и жизнь.

Каиафа остался один. Он задумчиво прошелся по комнате и, подойдя к столу, высыпал содержимое кошелька на большое серебряное блюдо. Затем отсчитал тридцать монет и положил их в кошелек. Первосвященник взвесил его в руке, почувствовал знакомую тяжесть и убрал в стол. Оставшиеся монеты тускло блестели на блюде, Каиафа задумчиво перебирал их руками. «Какая странная цена, — подумал он. — Это цена раба».

В тот день мои крылья принесли меня туда, где была Та, Что звалась Его Матерью. Она сидела в тени под смоковницей одна. Я знал, что так бывает, когда Ее сердце говорит с Ним. О чем Они говорили? Разве я могу это услышать, мне не доступны Их тайны. Я тихо стоял рядом и смотрел на Ее лицо. Оно было спокойно, словно все вокруг не касалось Ее. Но это была лишь иллюзия. Вот по нему пробежала тень, и Ее сердце вздрогнуло. Она подняла глаза и посмотрела на ветви дерева.

Там, высоко было гнездо, и маленькая иволга таскала детям букашек и червячков. Птенцы галдели, они широко открывали свои рты, и мать спешила их насытить. Она

вздохнула, и маленькая птичка, услышав этот вздох, оставила птенцов и наклонила свою головку. Как часто эта иволга пела Ей свои песни. Но сейчас она как будто понимала, что петь не стоит. Птичка смотрела на Нее с тревогой, ей очень хотелось сделать что-то, но она не знала, что.

Я снова посмотрел на Нее и увидел, как у Нее по лбу потекла капелька пота. «Сегодня очень жарко», — подумал я и осмелился коснуться Ее лица легким дуновением прохлады. Она увидела мою заботу и улыбнулась. Человек, если бы ты знал, какая радость приходит вместе с Ее улыбкой. Я был счастлив в этот миг, словно ребенок.

А Она? Она снова вздохнула. И я понял тогда, что Ее сердце узнало, что Сына предали. Предали мелочно и глупо. Поняв это, я взлетел вверх, свернувшись смерчем. И был готов обрушиться с небес на того, кто это сделал. Мне хотелось унести его далеко в море, чтобы потопить в бездне. Но Он снова тихо сказал мне: «Не надо». И я бессильно опустил пред Ней на колени и заплакал теплым весенним дождиком.

— Дождь! Дождь! — радостно закричали дети на улице.

Прохлада утешила Город. Люди радостные выходили из домов, и словно маленькие, поднимали ладошки к небу. Если бы они знали — почему идет дождь.

Она увидела мои слезы и поняла, почему я плачу, и снова улыбнулась мне, как старому другу.

— Успокойся, — сказала Она. — Пусть будет, что должно быть.

И я, услышав Ее, перестал плакать. А Она побыла еще немного под смоковницей и ушла отдыхать в маленький домик в саду. Я поднялся в небо и улетел в Город.

О, Великий Город Великого Царя! Знал ли ты тогда, Какой Царь ходит по твоим улицам и Чей голос слышен в тебе? Если бы ты мог узнать время посещения твоего! Но ты был слеп.

Я Ветер, невольный свидетель славы и бесчестия. И я видел те слезы, которые проливал Он, смотря на тебя с горы Елеона. Скажи мне, человек, кто может увидеть и почувствовать плач Его сердца? Кто узнает,

хотя отчасти, ту боль, которая у Него о каждом на этой земле?

О Город, исполненный гордыни и самодовольства! Почему ты не обрушился тогда на головы всех живущих в тебе и не похоронил их под обломками? Они были достойны и большей кары. Он пришел к тебе с миром, исполненный любви. А ты? Чем ты ответил на Его зов?

Я взвился ввысь, в небо, и снова рухнул на скалы. Там, на горе Елеона, сидел Он. Он сидел на камне и молча смотрел на панораму Великого Города, Города Великого Царя. Но никто вокруг не понимал и не видел в Нем Царя не только Города, но и всего мироздания. Я тихо опустился с высоты. И мои крылья качнули легким дуновением сухую траву. Он улыбнулся, потому что видел меня. И я замер, словно мальчишка, застигнутый врасплох. И в жарком мареве дня было слышно мое дыхание. Он смотрел на Город печально, совсем как птица, провожающая своих птенцов, улетающих из гнезда. И Его взгляд, полный тоски, говорил о том, что было в Его сердце.

Те, кто были всегда с Ним, те, кого Он звал апостолами, стояли невдалеке. Они, словно маленькие дети, хлопали глазами. Каждый из них был озабочен своей мыслью. И видит Бог, хорошо, что время стерло их мечтания. Он только что рассказал им о грядущем. И каждый из них и все вместе мало поняли. Тот, кто Его предал, тоже был здесь. Он принес с собой лепешки хлеба и сыр, словно бы ходил в Город только за этим. И все они нерешительно стояли и ждали, когда можно будет есть. Но Он молчал, и Его молчание было им непонятно.

Как быстро люди теряют самое важное. Вот, кажется, минутой назад они слышали о грядущем конце времен, о гибели Великого Города и о том, что ждет их уже завтра. Но стоило только появиться пище, как некоему знамению этого мира, и все забылось, словно и не было ничего. Он посмотрел на них с такой же грустью, как смотрел и на Город. Что говорили Его глаза? Я скажу тебе, человек. Они говорили лишь одно. Они говорили слово «любовь». Его любовь, непостижимая и непонятная,

покрывала собой все, даже их черствость и непонимание.

Я тихо покинул их, чтобы не мешать. Мысль о том, что весь Город достоин смерти, почему-то показалась мне тогда очень верной. Разве я мог знать, что нас всех ждет уже завтра? А если бы мог, удержался бы в послушании Ему.

Тогда, переполненный переживаниями, я улетел в пустыню, ту, что за городом. И там, в знакомом нагромождении камней, бродил до вечера, то разбрасывая песок, то напевая тоскливую песню. Когда вечер стал заявлять свои права, я снова вернулся в Город, чтобы принести немного прохлады с моря.

Люди, уставшие от дневной жары, выходили на улицы. Оживление и радость приближающегося праздника чувствовались все сильнее. Везде были видны приготовления. Множество паломников стекалось бесконечной рекой. Они ставили свои палатки за Городом в садах. Приход вечерней прохлады вносил в их многочисленные толпы оживление и радость. Я, словно птица, парил над Городом, и он был рад моему приходу.

Осмотревшись с высоты небес и разбросав везде вечернюю свежесть, я вновь улетел туда, где была Она. Вот снова маленький сад и домик в саду. В доме уже горит светильник. Она молилась Тому, Кто был для Нее всем. Я тихо опустился в сад, слегка коснувшись листвы. Она молилась, дыша любовью к Нему. Я задрожал от волнения и трепета и тихо, стараясь не вызвать и шороха, лег у порога, словно сторожевой пес. Волнения дня, все его переживания остались позади. И я, измученный и уставший, заснул.

Город поглотила ночь. Хоровод звезд закружился в небе. А скоро взошла луна, похожая на гигантский фонарь. Она залила все вокруг холодным мерцающим светом. Ее свет на минуту разбудил меня. «Скоро должно быть полнолуние и пасха», — подумал я и снова заснул.

Мир вокруг замер в предчувствии чего-то важного.

Слово Утренней Зари

Я Утренняя Заря, каждый день загорающая над Городом, украшающая и подсвечивающая его в разные тона. Мне кажется порой, что Бог создал меня только для того, чтобы немного сглаживать серость и темноту жизни. Мир людей полон темных красок. И чтобы немного оживить его, я прихожу с востока каждое утро. Розовый цвет — цвет надежды. Я всегда приношу в мир розовый цвет. Мне все время казалось, что у меня очень важное дело. Люди всегда смотрели с восторгом, любуясь моей красотой. Но тогда, в те далекие дни в Великом Городе, я поняла, что это не так. Все мое предназначение — это напоминание о Нем и Его Матери.

Когда Она еще совсем юной девушкой ходила по улицам Города, я знала, Кто Она. А узнав Ее, я поняла свое предназначение. Я память людям о Ней. Потому что, как и Она, я появляюсь каждое утро, когда кончается ночь. И, так же как и Она, я говорю миру: «Люди, смотрите. Скоро будет день, и солнце ярко осветит все кругом». Солнце — это Ее Сын, Он Свет миру. Но слушают ли меня люди? Нет, они по-прежнему смотрят на мою красоту и не понимают, что я говорю о Ней.

Если бы они знали, как часто утром я видела Ее в час своего прихода в Город. В это раннее время, когда все вокруг еще спит, Она уже была у источника и встречала меня трудом и улыбкой на устах. Я всегда умывала утренними лучами Ее лицо, подчеркивая Ее красоту, Ту, что краше утреннего неба. Так было каждый день, и я знала Ее.

Но сейчас я вспоминаю ту весну в городе, время печали и слез. И то утро перед пасхой, когда Она снова пришла к источнику, чтобы почерпнуть воду и отнести ее Сыну. Ей хотелось вновь увидеть Его, потому что сердце

Ее сжалось от тоски в тот день. Я помню, как Он взял у Нее кувшин из рук и пил чистую воду. Я видела Его глаза, полные утешения и любви, и трепетное желание любящего Сына утешить Свою Мать. Так Они и простояли вместе те утренние часы молча, без слов понимая друг друга. Потом Она снова ушла в домик в саду, чтобы там в одиночестве предаться Своим переживаниям. А Он разбудил двух Своих учеников, Петра и Иоанна, и отправил их в Город. Было еще раннее утро, когда они ушли, и город спал. В такие утренние часы на улицах редко кого встретишь. Ученики шли ускоряя шаг, они торопились.

Иуда видел их уход. «Куда они пошли?» — подумал он.

— Филипп! Слышишь, Филипп! — толкнул он спящего Филиппа.

— Что тебе? — недовольно ответил тот.

— Ты не знаешь, куда Учитель послал Петра и Иоанна?

— Спи себе спокойно, — зевнул Филипп. — Они ушли делать приготовления к празднику, — и он, повернувшись на другой бок, снова заснул.

«Ушли делать приготовления, — взволнованно думал Иуда. — Что это значит? Может, кто-то видел меня у Каиафы? — испугался он. Сердце снова бешено забилося у него в груди. — Нет, — успокаивал он себя, — этого не может быть». Иуда вспомнил вчерашний день, пустую улицу у дома первосвященника. «Нет, нет. У дома решительно никого не было, это точно, — вспоминал он. — А если? — в его голове мелькнула догадка. — Если этот раб-придверник сообщил о моем приходе?» Эта мысль показалась ему настолько правдоподобной, что Иуда еще больше разволновался. Спать уже не хотелось. «Да, это он. Больше никто не мог рассказать обо мне», — решил он. И чувство ненависти и злобы к рабу захлестнуло его.

Иуда невольно сжал ладони в кулак. «Эх, если бы этот тщедушный старикашка попался бы мне сейчас. Я бы ему переломал все кости». Злоба душила его, словно змея. «Всегда и везде в дела вмешивается случай, — мучительно думал он. — Да, это точно раб. Он, наверное, тайный ученик, это очень вероятно». Иуда прокручивал в своей голове тяжелые,

как камень, мысли. «А если мои замыслы известны? Что делать?» Ответа не было.

Уход Иоанна и Петра явно говорил о том, что Учитель уже не доверяет ему. Это Иуда понял очень хорошо. Он чуть приподнялся на локте и посмотрел на спину сидящего под смоковницей Учителя.

«Почему Он ничего мне не говорит? — раздраженно думал Иуда. — Неужели Он не понимает, чего стоил мне вчерашний день? Разве можно так издеваться над человеком? Если Он Мессия — Он должен, Он просто обязан сделать что-то. От Него все ждут царства, — с ненавистью думал Иуда. — Или Ему безразлично, что римляне попирают святыни? Если Он Мессия, Он не может не видеть этого. Почему? Почему Он всегда уклоняется? Разве во всем этом есть правда и справедливость?»

Учитель, будто чувствуя взгляд Иуды, обернулся. Он посмотрел на него взглядом, полным любви и сострадания. Выдержать этот взгляд было невозможно, и Иуда опустил глаза.

«Он любит меня, — стучало у него в сердце. — Он любит меня, даже зная, что я сделал».

Стыд, словно морская волна, захлестнул его душу. Хотелось заплакать, но он снова переломил себя. «Нет, это все вздор, — медленно вращал он в голове чью-то постороннюю мысль. — Оставь это. Так, одно притворство. Он на всех так смотрит, это взгляд слабого человека». И снова, словно что-то холодное и липкое, как паутина, опутало его сердце. Иуда лег и отвернулся. «Буду спать, — подумал он. — Хватит пустой лирики. То, что сделано, уже не поправить». И он заснул.

Город спал, Петр и Иоанн, поживаясь от холодного утреннего воздуха, медленно шли в сторону Города.

Слово Ветра

В тот день я принес прохладу в Великий Город. Я пролетел над ним на своих крыльях и замер у горы Елеона. Отсюда Город особенно красив. И в то утро, разукрашенный утренней зарей, он был необыкновенно прекрасен. Я невольно засмотрелся на него. Город, наряженный, словно невеста, ожидающая своего жениха, нетерпеливо ждал Его прихода. И Тот, с Кем он обручился, в этот ранний, еще рассветный час, молчаливо взирал на него с горы. О чем Он думал, что видел перед Своими глазами? Это великая тайна, человек. И никто пусть не дерзнет приоткрыть ее завесу. Я видел лишь Его спокойный, но грустный взгляд, которым Он смотрел на Город. Этот взгляд, исполненный

любви, без слов говорил с ним. Слышал ли Город? Понимал ли он, что его ждет? Тогда, в то далекое утро, многим еще казалось, что они понимают то, что Он говорил им все эти дни. Но так ли было на самом деле?

Прошло немного времени, и Он послал куда-то двух Своих учеников. Они, кутаясь в плащи, спускались с горы.

— Все-таки я не понимаю, почему Учитель послал нас, а не Иуду? — спросил Иоанн.

— Я об этом сейчас не думаю. Меня больше беспокоит то, как лучше выполнить поручение, — ответил Петр.

— Нет, все-таки непонятно, почему мы, а не Иуда? — словно не замечая ответа Петра, продолжал Иоанн.

— Какая тебе разница? — сердито сказал Петр. — Он или мы? Признайся, ты, наверное, расстроен, что тебя разбудили?

— Это меня совсем не беспокоит, — ответил Иоанн. — В последние дни я плохо сплю.

— Ты слишком много думаешь. Да и Иуда тебе явно не по душе, — заметил Петр.

— С ним что-то происходит, это я давно замечаю, — Иоанн покраснел, словно

уличенный в чем-то. — Правда, признаюсь тебе, я действительно не могу подавить неприязнь к нему. Мне все время кажется, что он живет с нами, но почему-то отдельно от нас.

— Ты слишком придирчив. Разве этому учит Учитель?

Иоанн не ответил, он о чем-то напряженно думал.

Трава под ногами была мокрая от росы, и их ноги сразу промокли. Они прибавили шагу. «И все-таки я прав, — думал Иоанн, — Иуда не любит Учителя. И я не могу любить его». Он испугался своей мысли и перестал внимательно смотреть под ноги. Сделав несколько шагов, Иоанн споткнулся о камень. «Вот и камень готов наказать меня за мое черствое сердце, — решил он. — Разве Учитель не учит, что нужно любить всякого человека? Он лучше меня видит сердце Иуды. Но я ни разу не слышал, чтобы при этом Он был на него зол и раздражен. — Иоанн вздохнул. — Пройдет и тысяча лет, а мне так и не удастся хотя бы немного стать похожим на Учителя».

Он отстал от быстро, почти бегом, спускающегося по склону Петра.

— Что ты там замешкался? — крикнул, обернувшись, Петр. — Прибавь шагу!

Иоанн поспешно побежал за Петром и скоро догнал его. Мысли, беспокоившие его, прошли сами собой, и он немного успокоился. Им предстояло пройти поток Кедрон. Тот, что протекал под самой горой. И они, немного отдышавшись, направились к нему. За Кедром, выше по склону, были Водяные ворота. Само их название говорило об их назначении. Именно через эти ворота жители носили воду. Ранний час всегда малолюден, и там, где днем скопление народа, утром никого не было. Дорога, поднимающаяся серпантином в Город, была совершенно пуста, и ученики, выйдя на нее, осмотрелись. Они помнили слова Учителя о том, что нужный им человек встретится у входа в город. Но вокруг никого не было.

— Давай поднимемся выше к воротам, — предложил Петр, и они пошли.

Дорога круто поднималась вверх, она была ровная и гладкая, без камней и ям.

За многие годы люди-водоносы хорошо утоптали и уплотнили ее своими ногами. Иоанн шел молча, его лицо было по-прежнему сосредоточенным и хмурым. По всему было видно, что он о чем-то напряженно думал. Это не ускользнуло от Петра.

— Ты, наверное, сомневаешься, что мы найдем горницу для праздника? — спросил он. — Признаюсь тебе честно, я бы тоже раньше усомнился. Но сейчас точно знаю, что скоро мы встретим того, кто нам нужен. А знаешь, откуда у меня такая уверенность?

— Нет, — ответил Иоанн.

— Помнишь, когда к Учителю подошли сборщики податей? — продолжал Петр. — Он тогда сказал мне: «Иди к морю, брось уду». Я пошел и, скажу тебе честно, чувствовал себя болваном. Сам знаешь, рыба ловится не каждый день.

— А разве ты забыл тот улов на озере, когда первый раз увидел Учителя? — напомнил ему Иоанн.

— Улов-то я помню. Но у меня не было даже наживки, чтобы насадить рыбу на крючок. Правда, я ее все-таки поймал. Словно

она только и делала, что дожидалась моего прихода. Самое удивительное было то, что, разрезав ей живот, я сразу нашел монету. Видит Бог — за свою жизнь я поймал немало рыбы, но никогда не видел, чтобы рыба питалась деньгами.

— И это тебя удивляет? Стоит ли вообще об этом думать? — заметил Иоанн.

— Стоит, очень даже стоит, — возбужденно продолжал Петр. — Мне кажется, что за этим скрывается какая-то тайна. Как ты думаешь, что хотел сказать этим Учитель? Может, Он о чем-то меня предупреждает?

Петр не успел договорить.

— Смотри! — крикнул Иоанн и показал вперед рукой.

По извилистой дороге поднимался совершенно одинокий человек. Он приближался к воротам. На правом плече он нес большой кувшин воды.

— Это он! — воскликнул Петр. И они, не сговариваясь, прибавили шаг.

Когда утро стало уступать место дню, я покинул Елеонскую гору. И, взлетев высоко в небо, с высоты, доступной лишь ор-

лам, сам, словно орел, парил над Великим Городом. Воистину, он действительно велик. Но в те далекие годы, когда над ним, словно золотая скала, возвышался храм, Город был еще более велик и прекрасен.

Храм Великого Города, построенный Соломоном и восстановленный Иродом, — бессмертное творение человеческого гения. О, Город, твоя красота и величие затмевали тогда все, что когда-либо строил человек на земле. Где ты сейчас? Думал ли ты, надменный и недоступный, что скоро когорты римлян сотрут тебя с лица земли и пройдут железным плугом там, где стояли твои гордые стены? Тогда, в то далекое время, ты казался несокрушимой стеной. Но тот, кто высок, скорее падает. И ты упал, чтобы потом через века вновь встать. Но войдет ли в тебя Тот, Кто сейчас смотрит на твою красоту с горы Елеона?

Я спустился с небес к храму, раздвигая и тесня крыльями тот зной, что уже стал окутывать, словно завесой, улицы Города. Разноязычный говор, шум, суета, множество людей — вот что такое храм перед

праздником. Все спешат купить в ограде храма пасхального агнца. Времени мало. Священник должен заклать его. И надо торопиться домой, чтобы приготовить его по обычаю. Агнец запекается целиком так, чтобы не раздроблять его на части. Нужны еще опресноки и горькие травы для приправ и, конечно, вино.

Петр с Иоанном тоже были в храме. Они выбрали упитанного агнца и довольно быстро договорились со священником. Народу было слишком много, и священники едва успевали. Петр и Иоанн получили благословение заклать агнца самим. Это разрешалось из-за невозможности удовлетворить просьбы всех желающих. Ученики, с трудом пробиваясь через многочисленную толпу, стали спускаться по высокой лестнице. Петр торопил Иоанна, времени было мало, и он спешил. Иоанн оглядывался по сторонам. Величественное здание нависало своей громадой над головой.

— Как ты думаешь, почему Учитель говорил о том, что этот храм будет разрушен? — спросил он Петра.

— Не знаю. Я и сам, признаюсь тебе, часто об этом думаю, — ответил Петр.

— А что Учитель говорил о воскресении? — снова спросил Иоанн.

Петр молчал. Он остановился и посмотрел на Иоанна.

— С Его слов я понимаю только то, что Он должен воскреснуть. Но я никак не могу взять в толк, как это может быть? То есть я понимаю, что Он может воскресить мертвого, как это Он сделал с Лазарем. Но как Он может воскресить Сам Себя, если умрет? Этого я понять не могу. И потом, кто Его будет убивать? Все только и делают, что поклоняются Ему как пророку.

— А мне непонятно, как можно создать за три дня этот храм, — задумчиво сказал Иоанн. — Когда Учитель говорит об этом, мне кажется, что Он имеет в виду что-то другое. Но что?

Петр вздохнул. По всему было видно, что он разделял непонимание Иоанна.

— Уже несколько дней меня не покидает чувство ожидания чего-то неотвратимого, — задумчиво сказал Иоанн.

Они стояли посередине лестницы неподвижно и смотрели, словно замороженные, на храм, пока их не стали толкать многочисленные паломники.

— Пойдем отсюда, — предложил Петр, — у нас еще много дел. — И они стали спускаться по широким ступеням лестницы.

Я видел, как они шли. И вспомнил, как много лет назад по тем же ступеням шла Она, тогда еще маленькая девочка. Была черед служения Ее родственника Захарии. Я хорошо помню, как он, предупрежденный свыше, нетерпеливо прохаживался, ожидая Ее прихода. Захария был уже стар и плохо видел. Он щурился, словно сова на свету, и прикладывал ладонь, чтобы защитить глаза от солнца. Те, кто ему сослужили, явно не понимали, что он делал. Но их удивление скоро стало еще больше, пока не перешло в священный трепет и ужас. Они увидели Захарию, вводящего маленькую девочку не только в храм, но и в Святая Святых, туда, куда он сам входил лишь раз в году. Что стало со всеми этими людьми, свидетелями тех далеких событий? Многие из них живы

и сейчас. Но понимали ли они то, что было тогда и будет уже скоро? Извечный вопрос бытия. Он встает всегда, когда что-то нас мигнет и мы что-то теряем. Как часто всякому человеку хочется вернуться назад... Пройти заново тот путь, по которому он недавно прошел. Но время неумолимо летит вперед. Оно, словно река, увлекает всех и вся с собою. И нет сил и возможности бороться с ее течением.

Вспомнив о Ней и проводив взглядом удаляющихся учеников, я снова поднялся в небеса и, сделав круг над Городом, тихо опустился в сад с маслинами и маленьким домиком. Она была в саду и сидела под Своим любимым деревом. Когда я дотронулся крылом до ветвей, Она, узнав меня, улыбнулась. Ее лицо было сосредоточенным и спокойным, и я невольно загляделся на Нее. Осторожно, чтобы не помешать, я устроился в кроне среди ветвей. И стал так же, как и Она, слушать пение маленьких птиц, развлекающих Ее своим пением. Птицы во множестве слетались со всех сторон. Они пели тихо, ненавязчиво, словно понимая, что се-

годня не день для веселья. О чем Она думала тогда, никто не знал. Может, Она ждала Своего Сына? Но скорее всего, Она чувствовала и понимала, что настают дни, когда Им уже не удастся спокойно видеть друг друга. Она говорила с Ним из Своего сердца. И этому разговору никто не в силах был помешать.

Я осторожно пошевелил своими затекшими крыльями и чуть раздвинул надоедливый полуденный зной. «Может, принести немного прохладного дождя?» — подумал я. «Нет, не стоит», — прочитал я ответ на Ее лице. «Мне нельзя Ей мешать», — решил я и, тихо взмахнув крыльями, улетел к морю.

Плеск волн и бескрайнее пространство воды — это лучшее место для борьбы с унынием и печалью. Я разогнался, словно молодой арабский скакун, и с лету ударился об упругую массу воды. Волны зашевелились, заходили в такт с моими ударами. Я поскакал по ним туда, далеко к горизонту, сбивая с них, словно пыль, густую морскую пену.

«Тут, пожалуй, я и погуляю до вечера», — решил я.

Слово Ночи

Я Ночь, покрывающая покрывалом Великий Город. Я храню чистоту молитвы святых и тайну многих преступлений. Мой приход приносит отдых и сон тем, кто устал. Я свидетель многого таинственного и неизвестного, потому что молчу и умею хранить тайны.

Я Ночь, и помню Его Рождение однажды зимой и хор ангелов, поющих в бездонном небе. Тьма моего покрывала горела светом невиданной звезды с востока. И те, что шли из дальних стран, легко по ней нашли дорогу. Я видела поклонение Ему пастухов и радость всего живого. Простота колыбели из яслей сказала мне, что Он будет Царем всего мира. И те, кто в этой жизни ничто, легче найдут дорогу к Его сердцу.

Я Ночь, и видела Ее, Ту, что родила. И слышала стук Ее сердца, и видела слезы тихой радости, смешанные с тревогой. Она, исполненная любви, была готова закрыть Его Собой, словно птица. Тот, кто звался Ее земным мужем, робко стоял у колыбели. Он не смел смотреть на Рожденного и не имел слов. Смирение и любовь давно жили в сердцах родителей. И я видела дуновение Силы Божией, именуемое Святым Духом, всегда пребывающее на них.

Я Ночь, и помню, как часто во время моего прихода я заставляла Ее не спящей, а стоящей на непрестанной молитве, как будто свеча перед Престолом Небесного Царя и Сына. Я видела, человек, то сияние славы, которое исходило от Нее, словно столп, и поднималось ввысь. Я знала, что остаток короткого времени покоя Она истратит на труды, чтобы Своими руками добыть насущное и выправить заботы дня.

Я Ночь, и помню пустыню и великую реку, разделяющую ее. Я словно сейчас вижу Его идущего туда, где ждал Его уже извещенный об этом Предтеча Господень. И я пом-

ню, как Он сходил в воды и рука Крестителя легла Ему на главу. И Тот, Кто Отец, сказал громом и силой, что это Его Сын. А невидимый миру Дух сошел к Нему белоснежным голубем мира.

Я Ночь, и я знаю, что когда-нибудь однажды, покрыв мир покрывалом, я не дождусь утра, потому что придет конец мира. Тогда все живое увидит Его, но уже во славе Великого Царя. И никто на земле не скажет, что не узнал Его.

Нет, человек, я не хвалюсь тем, что видела и то, что предстоит увидеть всем нам. Сегодня я расскажу лишь об одной из далеких ночей той весны. Потому что она особенно памятна мне. Почему это так, спросишь ты? Это так, потому что тогда, когда казалось, что зло неминуемо и развязка трагична, я почувствовала впервые радостное ожидание Его грядущей победы. И самое главное то, что Он уже тогда, не дожидаясь, излил на всех Свою бескрайнюю любовь, бурный весенний поток. Словно бы торопясь насытить тех, кто даже не понимал, насколько они несчастны и голодны.

Они были тогда вместе, Он и двенадцать, те, кого Он звал Апостолами. Они были там, где днем двое из них приготовили пасху. Это была просторная горница, построенная там, где лежали останки царя Давида. Он как будто выполнял давно обещанное Своему далекому предку. Но те, кто с Ним были, ничего не поняли. Тогда они были вместе, словно Отец и дети, и это так, человек. Он смутил их еще больше, когда прежде, чем возлечь на трапезу, стал умывать им ноги. Тот из них, кто был самый решительный, сказал Ему:

— Нет.

— Тогда ты не со Мной, — ответил Он. И возражающий покорился.

«Зачем Он сказал мне это? — напряженно думал Петр. — Разве я могу Его оставить? Нет! И нет! Моя любовь к Нему столь сильна, что я готов за Него умереть». И он посмотрел на Учителя. Тот умывал ноги Иуде. «Все-таки я старший среди учеников, — думал Петр. — Именно поэтому Он умыл ноги сначала мне». Учитель обернулся и посмотрел на Петра, словно читая его мысли. Его взгляд был спокойным и не имел и тени укоризны.

Петр покраснел. «Он видит меня насквозь, будто бы я прозрачный, — подумал он, и ему стало стыдно своих мыслей. — Зачем я подумал, что я старше других? — укорял он себя. — Нет, я не старше. Хотя бы потому, что Учитель умывает ноги всем. Значит, Он Сам Себя ставит ниже каждого из нас. Господи, прости меня!» — отчаянно застучало сердце. И теплая волна покоя тут же угасила боль в груди. Петр радостно посмотрел на Учителя и подумал: «Он любит меня. Он любит всех нас. Он любит всякого, кто идет к Нему, и даже тех, кто заблудился».

Иуде было неудобно от того, что Учитель умывал ему ноги. Ему казалось, что Он делает это нарочно медленно и особенно тщательно. Каждое прикосновение Его рук было для Иуды ударом. «Зачем? — кричало что-то в груди. — Зачем я сделал это? — кровь хлынула ему в голову, и лицо Иуды сильно покраснело. — А если сейчас признаться Ему во всем?», — подумал он. Мысль была настолько неожиданной, что Иуда сразу успокоился. Он посмотрел на Учителя, потом на других, тех, кто были ему как братья. «Как я скажу это? — на-

чал он вяло оправдывать сам себя. — Нет, лучше это сделать потом. Может, завтра, когда буду с Ним один на один. — Беспокойство снова стало охватывать его. — Это от волнения и пройдет, — думал он. — Но зачем? Зачем Он все-таки умывает мои ноги? Даже по движению Его рук понятно, что Он знает все. Нет, я не буду Ему ничего говорить. Пусть Он Сам скажет мне, что Ему все известно. А если не скажет? Если не скажет, тогда пусть будет то, что уже не изменить. В конце концов, я стараюсь не только для себя, но и для всего народа и, конечно, для Него Самого». Утвердившись на этой мысли, Иуда успокоился. Покой леденящим холодом окутал его сердце. «Так будет лучше», — решил он.

Потом они возлегли на трапезу. Ту трапезу, которую уже позже люди называли трапезой любви. И Он преломил хлеб и благословил. Помню, как я задрожала в тот миг. Те, кто был с Ним, молча сидели и не понимали, что с ними. Но я видела ясно Его плоть и кровь, уже излитую за них и за всех. Она была перед ними хлебом и вином. И Он кормил и поил их Собою.

Словно оправдываясь и прикрываясь светом светильников, я выползла из горницы раздавленная и ошеломленная. Разве есть на свете любовь больше, чем та, что была явлена тогда? Я стояла на пороге, не смея смотреть туда, где было самое страшное Таинство на земле. Как вдруг услышала Его голос:

— Один из вас предаст Меня.

И их голоса в ответ:

— Не я ли, Господи? Не я ли?

И снова сказанное тому, кто уже сделал это:

— Ты сказал, — прозвучавшее тихо, но так, словно ударил гром. А потом, чуть позже: — Иди скорее.

И он вышел, оттолкнув меня от дверей. Я стояла растерянная и не знала что делать. Но потом, опомнившись, побежала за ним, решив окутать его такой тьмой, чтобы он потерял дорогу. А после отвести его к пропасти и безжалостно сбросить туда. Но Он сказал мне вслед:

— Не надо! Оставь! Не трогай его! Пускай он идет.

И я, покорная Его воле, встала у дверей.

Потом я слышала, как Он говорил, что скоро свершится все написанное о Нем. И все оставят Его одного, но Он не один, с Ним Тот, Кто Отец. Он говорил им, что покидает их, и туда, куда Он уйдет, они не смогут уйти. Тогда тот, кого звали Петром, возразил Ему и сказал, что он никогда Его не покинет, даже до смерти. А Он лишь тихо и кротко ответил:

— Скоро, лишь только пропоет петух, ты отречешься от Меня.

Его слова взволновали всех. Но Он утешил Своих учеников:

— Вы скоро пойдете за Мной, — сказал Он. — И та дорога, по которой Я уйду, будет открыта для вас и для всех.

Он обещал им, что встретит их там, далеко-далеко, в Небе. И всех их ждет великое Царство Славы, где уже никто не будет с Ним разлучен. И я, услышав это, заплакала ночной прохладой и росой, такой сильной, что улицы Города стали мокрыми, словно прошел дождь. «Он избавит нас от зла», — радостно думала я. И мои слезы, слезы радости и умиления, стали еще сильнее.

Слово Ветра

В ту ночь, когда Он возлег за Свою трапезу с учениками, я не спал. Еще задолго до их прихода в горницу я вернулся из морского простора, где отдыхал днем. Петр с Иоанном все хорошо приготовили и ждали Учителя и остальных учеников.

Еще днем я решил, что обязательно помещаю Иуде сделать свое дело. Поэтому, когда Он и ученики пришли, я уже дожидался их, спрятавшись на кровле. Когда они входили в дом, Он поднял голову и посмотрел на меня. «Он знает все мои мысли», — понял я. Но от намерения своего не отказался. «Буду ждать, а там будь что будет», — решил я и затаился.

Скоро ночь окутала Город своим покрывалом. На небе заблестели звезды. Подоб-

но фонарям, они светили с темного неба, мерцающая и переливаясь в высоте. Я лежал на кровле и смотрел на созвездия. На звезды можно смотреть бесконечно. Никогда не надоедает их ненавязчивое сияние. Луна еще не всходила, и их свет был ярким. Где-то посреди небес, словно бесконечная дорога, тянулся Млечный путь. «И почему я не звездный ветер? — думал я. — Как было бы хорошо носиться там, среди светил, и не видеть, и не слышать мир людей. — Я посмотрел на свои крылья и вздохнул. — Они слишком слабы для таких бесконечных просторов. Мне никогда туда не улететь. Но мне хватит силенок поднять этого негодяя и сбросить его в самую пучину моря». И я, перестав смотреть на небо, стал дожидаться, когда Иуда выйдет. «У него сегодня последняя ночь, чтобы сделать свое дело», — решил я и, затаившись, весь превратился в ожидание и слух.

Прошло часа два, а может, и больше. Время слилось у меня в одну бесконечную цепь. Всякому известно: чем дольше ждешь, тем медленнее тянется время. Медленно, словно

тягучий мед, время переливало секунды, минуты, часы. Наконец хлопнула дверь.

«Это он, — подумал я, увидев знакомую фигуру, торопливо вышедшую на улицу. — Стоит, пожалуй, накрыть все их змеиное гнездо. Иначе, при случае, найдется еще один предатель. Пусть соберутся все вместе в доме Каиафы, а там посмотрим, хорошо ли он его строил», — решил я и тихо скользнул следом.

Иуда был мрачен и зол. «Он словно издевается надо мной, — раздраженно думал он. — Прямо при всех обличает меня и при этом делает вид, что ничего страшного не произошло. Посмотрим, как Ты запоешь чуть позднее». Он пнул ногой камень, лежащий на дороге. От удара нога заболела. «Это опять Он во всем виноват, — разозлился Иуда. — Стоило бы мне бродить ночью по улицам и ломать комедию перед этим дураком Каиафой, если бы не Его глупое упрямство. Набрал Себе в ученики простаков и тупиц. А этот Петр? Скажи мне, кто? Баран, да и только. Подумать только, сколько времени я провел в обществе этих

оборванцев». Ночь была прохладной, Иуда, поежившись, прибавил шагу. «Надо потопрапливаться, — решил он. — Пока найдут стражников и воинов, потеряют немало времени», — и он зашагал еще быстрее.

Праздничной ночью улицы были пусты, в домах горели светильники, и везде чувствовалось радостное оживление. Иуда обогнул дворец Ирода и вышел к дому Каиафы. Здание было хорошо освещено. В нишах стены, окружающих его, горели светильники и факелы. У ворот прохаживались вооруженные храмовые стражи. «Пожалуй, эта лиса меня ждет, — решил Иуда. — Что ж, тем лучше», — и решительно шагнул к дверям.

Его действительно ждали. Старый раб придверник, уже предупрежденный, угодливо распахнул дверь. Иуда подозрительно посмотрел на старика. Его лицо показалось ему знакомым. «Я где-то его видел», — и забытое уже подозрение вновь ожило в его памяти. Он зло посмотрел на старика. «Рабы все похожи, но этот явно мне где-то встречался. Во всяком случае, никто другой не мог меня видеть у Каиафы. Сначала дело,

а потом можно заняться и рабом», — решил он и прошел во внутренний двор. Во дворе у костра стояли и грелись слуги, стражи и воины. Каждый из них жался поближе к огню. Они не понимали, зачем их сюда привели и явно были раздосадованы тем, что их оторвали от праздника. Иуда презрительно посмотрел на переминающихся у огня воинов и прошел в дом. «С такими солдатами Рим не покорить, — подумал он и усмехнулся. — Вот если бы Рим сам склонил голову перед Учителем как перед Мессией». Мысль показалась ему совсем обычной и правдоподобной, и он размечтался. «Никто не знает, что от меня сейчас зависит, каким завтра будет мир. В моих руках его судьбы. И если я захочу, то поверну ход истории». Возбуждение, словно лихорадка, опять охватило его. На его лбу выступил пот, и он поспешил вытереть его плащом. «Не стоит показывать своего волнения тем, кто мне не ровня», — решил он и остановился, чтобы перевести дыхание и успокоиться. Но сердце, не послушное глупому разуму, билось в груди, как встревоженная птица. Иуда дотронул-

ся до груди рукой, пытаюсь унять его стук. И вдруг неожиданно для себя вспомнил Учителя. Его взгляд там, на вечери. «Почему Он на меня так грустно смотрел, будто чего-то ждал от меня. Но чего? Может, я зря тогда не признался Ему во всем?» От этой мысли ему стало тоскливо и грустно. «Что я делаю? — спросил он себя. — Зачем я это делаю? — ответа не было. — Может, мне стоит бежать отсюда?» — подумал он.

В этот момент двери в покои первосвященника широко открылись. Иуда увидел перед собой хорошо освещенный зал и самого Каиафу в окружении знатных членов синедриона. Они смотрели на него, словно приглашая войти и стать одним из них. «Теперь уже поздно. Теперь уже нет пути назад, — и он шагнул навстречу своему выбору. — Я, как баран, иду на живодерню. Сам иду, никто меня не тянет», — тоскливо подумал он.

Я проследил дорогу предателя до дома и, когда он вошел к Каиафе, остался во дворе, обдумывая, как лучше обрушить дом. Не то чтобы было сложно это сделать, нет.

Сил у меня хватило бы. Я почему-то вдруг подумал о тех рабах, что служат ему. Я посмотрел на взволнованного старика придверника, на солдат, пляшущих от холода у костра. «Чем они виноваты? — подумал я. — Мой план безумен, и вряд ли Он скажет мне спасибо за него. Надо было утопить в море одного Иуду и не ждать, пока он придет сюда», — думал я. И вдруг вспомнил глаза Того, Кто был его Учителем. «Ты не прав, Ветер, — говорили они, — этого делать нельзя». И я понял, что мне придется остаться немым свидетелем этой трагической ночи. «Нет, я никогда не смогу идти против Его воли. Это просто невозможно, и у меня нет таких сил».

Той ночью я смирился перед Ним, но все-таки решительно не понимал, зачем Он это делает. И почему сдерживает меня в моем порыве смести Его врагов.

Ждать Иуду становилось невыносимо, и я, поднявшись в небо, закружился над Городом, пытаюсь успокоиться и забыться. Мое волнение было столь велико, что могла начаться буря. Но там, в высоте, я вдруг

увидел яркий свет на самой окраине Города. Свет поднимался в небо, словно сияющий столп, искрясь и переливаясь, как звездная пыль. Я, зачарованный видением, остановился в своем полете. «Что это?» — подумал я. И вдруг вспомнил, что там, далеко внизу, тот самый сад и домик, где живет Она. «Это Ее молитва восходит к небу, — догадался я. Мне стало удивительно спокойно и радостно. — Она не спит, Она с Ним, даже если далеко от Него». Надежда на что-то лучшее появилась у меня и развеяла мрачный ход мыслей. Совсем рядом, прямо перед глазами, происходило что-то неведанное и таинственное. Шло действие в величайшей трагедии бытия. И я, невольный и немой свидетель, вдруг понял, что допущен Его Промыслом к видению этой трагедии только за то, что имею эту немоту. Мне словно дозволили видеть и молчать, чтобы не разглашать тайну. И я, ободренный и успокоенный, тихо опустился на кровлю той горницы, где был Он и Его ученики. Там, под сводами, происходило величайшее таинство всего мироздания. Тогда я еще не знал, что это было,

но чувствовал, что здесь сейчас решаются судьбы человечества и всего мира. «Нечего шататься без дела по Городу и выискивать подонков и предателей, — решил я. — Мне надо быть с Ним и шаг за шагом идти по Его пути. Идти и видеть все до самого конца». И остался на кровле, ожидая дальнейшего развития событий.

Луна уже вошла над Городом и висела в высоте небес, словно огромный фонарь. Прошло немного времени, Учитель и с Ним одиннадцать вышли из горницы. Они пошли в сторону Елеона. Там, у подножия горы, был старый и заброшенный сад, Его любимое место пребывания в Городе. Улицы были пустынные, и никто не мешал им в пути.

Петр и Иоанн шли рядом, и каждый из них думал о своем. Петр несколько раз ощущивал под одеждой меч. Холодная сталь притягивала его как магнит. «Несомненно, что Он ждет от меня решительности и смелости, — думал он. — Его слова, что все разбегутся, а я должен их обратить, означают только одно — на меня возложена особая миссия. И то, что Он мне поручил готовить

вечернюю трапезу, знак особого расположения», — решил Петр и посмотрел на идущего рядом и молчаливо сосредоточенного Иоанна. Луна осветила его лицо, и оно показалось ему как-то особенно бледным. Петр невольно улыбнулся. «Он совсем еще юн, — подумал он. — Его волнуют какие-то детские вещи. Вот, например, сегодня утром, когда мы с ним шли, он как ребенок думал о разрушении храма. Он даже не понимает, что Учитель предупреждает нас об опасности. Как же он беспечен!»

Петр любил Иоанна и незаметно для себя покровительствовал ему. Он был рад, что вчера ходил в город именно с ним, а не с угрюмым и неразговорчивым Филиппом или строго сосредоточенным Иаковом. Ему было интересно с ним говорить, назидательно поучать и рассказывать то, что, казалось ему, Иоанн не понимал. Петр считал себя человеком опытным и много видевшим в жизни. Он с удовольствием делился с ним своими жизненными наблюдениями и готов был всегда внимательно слушать Иоанна.

Петр снова ощупал спрятанный под одеждой меч. «Я буду защищать Учителя, чего бы это мне ни стоило», — ободрял он себя. Он посмотрел на других учеников. «Готовы ли они?» — словно спрашивал он их.

Иоанн шел молча и не смотрел на Петра. Ему не было дела до его переживаний. Слова Учителя о Божественной любви взволновали и потрясли его. Всему, что он слышал от Него, Иоанн верил искренне, по-детски, не подвергая сомнению ни одного слова. Он знал, что все, что говорит Учитель, будет, и будет обязательно. Иоанн не знал только, как это будет, и лишь поэтому часто переспрашивал, торопясь заглянуть вперед. Вот и сейчас он старательно, как прилежный ученик, перебирал в памяти и раскладывал по полкам каждое услышанное слово. И слова, сказанные на вечерах, словно гром звучали в его душе. «Каждый человек — сын Божий! Мы Его дети, а не рабы! — радостно думал он. — Он дарит нам царство вечной любви, будучи Сам любовью! Я обязательно должен записать эти слова, когда будет удобное время», — решил он.

Дорога, сделав тем временем крутой поворот на склоне, привела их к саду. Старые маслины, освещенные лунным светом, стояли, как часовые на страже. Бледный серебристый свет луны сделал их листья похожими на металлические, и они загадочно блестели и переливались в нем. Сад был пустынен, и ни один звук не доносился из него.

Учитель с учениками остановился. Он взял с собой Петра, Иакова и Иоанна и пошел в сад. Остальные, уставшие от впечатлений дня и вечера, легли на траву. Четверо ушли в глубь сада. Ночь поглотила звук их шагов. Плотная и вязкая, как вата, тишина окутала оставшихся учеников, и они заснули.

Слово Камня

Я Камень, тот, что лежит в саду за Городом. Камни презренны, их попирают ногами. Тот, Кто создал меня, не дал мне голоса, и я не пою, как ветер. Но и я помню те дни в Великом Городе и ту ночь, когда Тот, Кто меня создал, пришел ко мне и встал передо мной на колени. Ночь, та, что всегда видит и слышит Его, замерла как замороженная. И я услышал Его молитву, как крик ночной птицы восходящую к Небесам. Я не умею плакать, и у меня нет слез. Но я готов был рассыпаться на тысячу кусков, если бы Его рука не легла на меня и не согрела меня, словно солнечное тепло. Он говорил с Тем, Кого звал Отцом. И я, ничтожный прах, был невольным свидетелем этой беседы. Я видел, человек, Его муки. И страдания Его души были передо мной.

Я Камень, и не могу бегать как лань. Но я был готов упасть с горы и скатиться к ее подножию неудержимой лавиной. Когда Его пот — кровь оросила меня, я дрожал как осиновый лист, чувствуя прожигающую меня насквозь кровь. И поверь, человек, она навеки окрасила меня красными жилами гранита. Если бы я только мог, я раздавил бы всякого, кто был повинен в пролитии этой крови. Но Он снова положил руку и сказал мне: «Не надо, все должно свершиться». И я снова задрожал, как будто рыдая. Но я Камень, человек, а камни не плачут.

Те, что были с Ним, те трое, заснули, словно сурки. Они, свернувшись клубками, укрытые плащами, походили на беспомощных детей. А они и были детьми. Он по-прежнему молился. И я видел и слышал, человек, как с Небес к Нему спустился Тот, Кого зовут Утешителем, и был с Ним неотлучно.

Если взять все камни мира и нагрузить их на великие весы, то и тогда их тяжесть не перевесит Его ноши. Это так, человек, поверь мне. Я видел и слышал, какова эта тяжесть.

Те, кто с Ним, спали, словно бы ничего не происходило. Он же молился, и были мгновения, когда борьба Его была столь велика, что Он просил Того, Кто Отец, пронести мимо Него чашу испытаний. Но, ободренный свыше, все-таки сказал:

— Да будет воля Твоя, Авва Отче!

Мир вздрогнул от этих слов, он почувствовал Его выбор. О, если бы я мог плакать, человек! Но я Камень, а у камня нет слез. Я лишь молчаливый свидетель Его молитвы и той борьбы, которую Он перенес. Те, кто были с Ним, все так же спали, и, казалось, ничто их не разбудит. Но Он сказал им:

— Вставайте, время пришло. Вот уже приближается тот, кто предаст.

И они проснулись, недоумевая, зачем Он их разбудил.

Я был свидетелем безумия, человек. Да, именно безумия. Разве иначе можно объяснить, почему те, чья жизнь была в Его руке, подняли на Него руку? Было слышно, как где-то далеко внизу шумно поднимается толпа безумных людей. Там были видны огни фонарей, слышалось бряцание оружия.

— Пойдемте, — сказал Он и стал спускаться с горы.

Ученики, ничего не понимая, пошли за Ним. Я смотрел им вслед, человек. Что я мог сделать? Камень бессилён. И мое бессилие душило меня. Тогда я вспомнил про Его кровь, ту, что пролилась на меня этой ночью. «Я сохранию ее, чего бы мне это ни стоило, — решил я. — Пусть те, кто сделали это, смотрят и видят, что даже бездушный камень содрогался от рыданий в ту ночь. Но как мне сделать это?» — думал я. Мучения мои были так сильны, что по моему телу пробежала трещина. И Он услышал мои страдания. Да, человек, Он слышит даже камень. Помню, как Он обернулся и посмотрел на меня. Улыбка, которой не стоит мир, осветила Его лицо.

— Пускай будет, как ты хочешь, — сказал Он.

И Его кровь, словно драгоценный бисер, вошла в меня и выступила наружу прекрасным красным гранитом. С тех пор я храню Его кровь как великую святыню. И многие, кто не верит тому, что было, приходя и видя, убеждаются в правдивости рассказов о Нем.

Слово Ветра

Я, словно Его ученик, следовал за Ним в сад. Я как будто пополнил ряды, заменив собой того, кто ушел. Он видел, что я иду за Ним, и почему-то не стал меня прогонять. Может, Ему не мешал ветер? А может, моя покорность Его воле позволила мне быть среди Его учеников и видеть все.

Сад, куда Он привел их, довольно большой, и в те годы за ним мало ухаживали. Со старых маслин уже никто не собирал плодов, да и трава густо разрослась под их тенью. Здесь было царство птиц и влюбленных. Но в ту ночь было тихо и совершенно безлюдно. Взяв с собой трех и оставив у входа остальных, Он пошел с ними в глубь сада. Густые заросли, переплетения веток сдела-

ли бы эту дорогу весьма трудной, но луна в ту ночь висела высоко и ее свет услужливо показывал путь. Они прошли в глубь сада, туда, где на склоне лежал большой камень.

И я увидел, человек, как Он встал на молитву Отцу. А те, что с Ним, как дети, сели на траву. Его молитву видел и слышал камень. Я лишь ощущал всем своим телом его дрожь и треск твердой плоти. Что было там, человек? Это было великое борение духа. Те, что были с Ним, спали крепким сном младенцев. А Он? Он стоял на коленях, опираясь на камень, и Его руки и сердце простирались к небесам и взывали к Отцу. Они говорили вдвоем. И Тот, Кто Его Отец, ждал выбора Сына. И Он сделал этот выбор, когда порывисто встал и разбудил спящих учеников.

— Вставайте, все кончено, — услышал я и увидел, как Он и Его сонные спутники стали спускаться по склону.

Петр снова нащупал под одеждой меч. «Вот оно, — подумал он. — Сейчас будет то, о чем меня предупреждал Учитель, — и он посмотрел на Него. — Как Он спокоен! Но что это у Него за пятна на лбу и одеж-

де?» Петр всмотрелся внимательней. В свете луны он хорошо разглядел, что это кровь. «Откуда у Него кровь?» — тревожно думал Петр. Он огляделся по сторонам, словно ища невидимого и неведомого врага. Сад был пустынен. «Нет, здесь никого нет. Скорее всего, Учитель поранился о какую-нибудь ветку по дороге».

Петр почему-то снова нащупал меч, словно готовясь при необходимости рубить не только врагов, но и ветви с кустарником. Ему вдруг стало стыдно от того, что он зазнул, как и другие. Будто бы уличенный в чем-то, он посмотрел на своих спутников. «Заметили они мою слабость или нет? — думал он. — Мне, как никому другому, спать было нельзя. Но глаза предательски слипались. А если бы на Учителя напали, когда я спал?» Эта мысль показалась Петру и во все страшной. Стыд яркой краской окрасил его лицо. Он снова посмотрел на своих товарищей. Они шли за Учителем спокойные и сосредоточенные. «Нет, похоже, никто из них не заметил мою слабость», — решил Петр и уверенно зашагал по траве.

Иоанну тоже было стыдно за свой сон. Он помнил о просьбе Учителя бодрствовать и быть вместе с Ним. Особенно ему запомнились слова: «Душа Моя скорбит смертельно». Любящее сердце Иоанна так искренне, по-детски, откликнулось на этот призыв: «Учитель нуждается и в нашей любви», — догадался он и был готов излить всю свою любовь без остатка. «Вот мое сердце. Пускай оно будет Твое, — как бы говорил Иоанн. — У меня нет ничего кроме него. Так пусть оно станет Твоим». И его сердце, услышав такой призыв, радостно застучало в груди.

Он не думал, как Петр, о грядущих опасностях, ему хотелось просто быть рядом и все. «Пускай будет что угодно, но я буду рядом, с Ним», — решил он. Но вспомнив свой недавний сон, смутился. «Как предательски слаба плоть, — мучительно думал он. — Господи! Укрепи меня слабого и ничтожного!» И словно молния где-то в груди, там, в самой сокровенной глубине сердца слова: «Я с тобою, не бойся, человек!»

«Он со мною! Он всегда со мною! Значит, Он тоже хочет, чтобы я никогда не покидал

Его», — обрадовался Иоанн и беззвучно зарыдал. Тихие чистые слезы текли по его лицу. Его сердце наполнилось любовью до краев и, как переполненная чаша, стало выплескивать ее наружу. Он с любовью посмотрел на Учителя, потом на Петра и Иакова, затем снова на Учителя. Слов не было, говорить было невозможно. Большое и сильное чувство любви захватило его целиком. Иоанн уже совершенно не понимал, куда идет и зачем. Ему просто хотелось идти рядом с Учителем и братьями, и больше ничего. И он шел.

Иаков тоже сосредоточенно думал. События последних дней сильно смущали его. Много, очень много было им передумано за это время. Ожидание Мессии, которым он жил с раннего детства, постепенно сменилось в его голове пониманием, что Учитель, за Которым он следовал вот уже три года, и есть Тот Самый Мессия. Иаков вспомнил, как однажды, также вместе с Петром и Иоанном, Он возвел их на гору Фавор и там преобразился перед ними. Иаков хорошо запомнил тот удивительный свет, осиявший их тогда, и голос Отца, прогремевший

с неба как гром. «Мы были тогда словно дети, и до сих пор не повзрослели», — подумал он. Он посмотрел на Петра и Иоанна. «Наш сон сегодня говорит о нашей немощи и черствости. Мы спали сегодня крепко, как и тогда на Фаворе». Иакову стало стыдно так же, как было стыдно Иоанну и Петру. «Учитель словно выделяет нас из других учеников. Он доверяет нам Свои сокровенные тайны. А мы? Разве мы достойны Его доверия?» — спрашивал он себя и не находил ответа. «Как я могу смотреть в Его глаза, если всегда и во всем проявляю слабость? Я недостоин Его выбора», — укорял он себя. Учитель, читая мысли Своих учеников, остановился, словно желая отдохнуть. Он обернулся и посмотрел на них. В свете луны им было хорошо видно Его лицо. Взгляд был спокойный и полный любви.

«Он действительно ждет от меня решительности сегодня», — подумал Петр.

«Он любит меня», — понял Иоанн.

«Он простил мою слабость и снисходителен к моей немощи», — обрадовался Иаков.

В саду, там, где находились остальные ученики, было шумно. Какие-то люди с оружием и зажженными фонарями пробирались через густые заросли. Слышались крики и ругань.

— Пойдемте, — сказал Учитель.

И они пошли навстречу неминуемо приближающемуся злу.

Слово Оливкового дерева

Я Старая Олива, та, что растет за Городом в саду. Мне столько лет, что я вряд ли вспомню, когда и чья человеческая рука посадила меня в эту землю. Мы, деревья, всегда служим людям, давая им или плоды, или тепло для очага. Годы, те, что я провела в саду у Великого Города, так длинны, что слились в моей памяти в бесконечную череду событий. Сад — это место пения птиц и влюбленных. Сколько их было, молодых и прекрасных, гуляющих и вздыхающих здесь под деревьями... Люди, о если бы вы жили только любовью, какой бы прекрасный был тогда мир! Но вам всегда нужно что-то другое. И почему-то это другое вам бывает дороже возвышенных чувств.

Я, Старая Олива в саду у Великого Города, помню дни той далекой весны и храню их в своей памяти, человек. И даже сейчас, спустя века и тысячелетия, мне вспоминается та ночь, словно бы это было вчера. И я всегда вздыхаю, когда память уносит меня в те далекие дни.

Была весна в Великом Городе, время пения птиц и любви. Сад, в котором я расту, как всегда, был полон поющих птиц и цветущих цветов. В те дни я часто видела в саду Ту, Кого зовут Его Матерью. Она бывала здесь одна и с Ним, когда Он беседовал здесь со Своими учениками. В жаркий солнечный день Она присаживалась отдохнуть в тени моей кроны. И я в восторге и трепете прикрывала Ее от знойного солнца своими ветвями. Ее шаги я слышала издалека, их я узнала бы из тысячи других и никогда бы не спутала. Знай, человек, там, где ступала Ее нога, не была примята ни одна былинка и цветок. Все оживало там, где Она проходила. Я помню то особенное пение птиц, когда они встречали Ее. Каждая маленькая пташка старалась изо всех сил утешить и порадовать Ее слух.

Ей редко удавалось видеть Сына одного. Он был окружен учениками, как прекрасный благоухающий цветок пчелами. Но если Он оставался с Ней вдвоем и Они говорили, все замирало вокруг от восторга и трепета. Никто не хотел мешать этой беседе. Эти дни были счастьем для сотворенного Им мира. Мироздание радовалось, словно ребенок, видя и слыша Его голос.

Так было, человек, пока не настала та ночь, о которой я сейчас расскажу. Он был в саду со Своими учениками. Всеми, кроме одного, того, кто Его предал. Предатель привел отряд воинов. Как будто черная грозовая туча, они поднимались вверх по саду. Я слышала их тяжелые шаги и замерла от страха. «Зачем? — был один вопрос. — Зачем они делают это?» Но разве может дерево остановить безумство людей? И они шли все выше и выше, освещая сад светом факелов и фонарей. Тот, кто предал, был впереди и вел отряд.

«Он непременно здесь, в саду, — думал Иуда. — Больше Ему негде быть». Иуда усмехнулся, вспомнив радость Каиафы,

когда он пришел к нему ночью. Ему была приятна та поспешность, с которой он снарядил отряд воинов, отправив их вместе с ним в сад. Но особенно приятно было Иуде слышать вопли старого раба придверника. Он молил о пощаде, но слуги безжалостно избивали его. «Пусть помнит и знает, что значит болтать лишнее», — зло думал Иуда. Правда, он сам уже сомневался, что раб виноват. Но слыша крики несчастного, Иуде было легче делать то, что он задумал.

— Ты уверен, что хватит храмовой стражи, чтобы Его взять? — тревожно спросил его Каиафа. — Может, стоит привлечь к этому делу римлян?

— Нет. Их всего одиннадцать. Да и из оружия у них два меча, — возразил Иуда.

— Тогда не медли, — поторопил его Каиафа. — Вот твои деньги. — И он протянул Иуде кошелек.

Иуда взвесил его на руке. «Не густо, — подумал он и зло посмотрел на первосвященника. — Жалкий старикашка, если мой план удастся, я сам выдеру руками твою бороду». Иуда небрежно бросил кошелек

в карман и вышел. Ночь, созданную Богом для покоя, люди приспособили для своих преступлений.

Отряд медленно приближался к Тому, Кого искал. «Он где-то здесь, я не мог ошибиться», — напряженно думал Иуда. Темнота ночи вдруг резко отступила. На небе показалась луна, до этого скрытая маленьким облачком. Впереди на небольшой поляне среди деревьев стоял Он. Ученики, словно испуганные овцы, окружили Его, предчувствуя беду. Иуда решительно подошел к Учителю и поцеловал Его.

— Радуйся, Равви, — сказал он.

Учитель грустно посмотрел на Иуду. Его глаза, полные все той же любви, говорили: «Зачем ты пришел?» А уста повторили:

— Друг, зачем ты пришел?

Иуда растерялся. «Может, я зря это делаю, — снова подумал он. Стыд опять захлестнул его душу. — Нет! Назад нет пути!» Он решительно прогнал слабость и отошел в сторону, туда, где стоял начальник стражи и воины.

— Это Он, берите Его, — тихо сказал он им.

Воины схватили Учителя. Они хотели схватить и учеников. Но Его голос, полный власти и силы, сказал:

— Оставьте их.

И повинаясь этой неведомой силе, солдаты оставили тех, кто был с Ним. Учителя повели, словно злодея и разбойника. Один из Его учеников, тот, что был с Ним всегда, выхватил меч и ударил одного из них мечом.

— Довольно, — властно сказал Учитель. — Вложи меч в ножны. Все, написанное обо Мне, должно случиться. — И прикосновением руки исцелил рану.

Видя это, я дрожала, словно маленькое деревце на ветру. И боль, как червь, точила мою плоть. Почему? Мучил меня вопрос. Но разве был на него ответ? Его власти и силе покоряются небеса и твердь земли. Звезды и море послушны Его голосу. От Его взгляда дрожат бездны. Но маленький хрупкий человек посмел наложить на Него свою тщедушную руку. И Он, Тот, Кто вечно правит миром, покорился этой руке. Зачем все это? Разве можно понять?!

Та ночь показалась мне тогда черней, чем сажа, и страшней, чем бездна. Те, что были с Ним, разбежались, и Он остался один. Я вытянула свои ветви, чтобы преградить дорогу ведущим Его воинам. «Пусть все оставили Его, но я Его не покину», — кричало мое сердце. Я была готова выхлестать воинам глаза и переломать их кости. Но Он сказал мне: «Оставь, не надо». И я покорилась Его голосу и воле. Но при этом разрыдалась от горя. «Увижу ли я Его еще?» — кричало мое сердце. «Увидишь», — ответил Он и дотронулся рукой до моего ствола.

Так вот я и живу до сего дня, переживая саму старость, видя мелькание веков и тысячелетий. Живу и жду Его прихода, помня, что если Он обещал, то это обязательно будет.

Слово Ветра

Я был с Ним в саду, когда Его схватили. И видел, и слышал, как тот, что Его предал, приветствовал Его льстивыми словами и поцеловал поцелуем змеи. Но яд змеи слабее яда измены.

Те, кто еще вчера восхищались Им, наложили на Него руки. Можно ли было верить тому, что я видел тогда, человек? Сердце мое отказывалось это понять. Я видел, как те, что были с Ним, разбежались, словно испуганные овцы, и Он остался один. Но был ли Он один, если с Ним Отец?

Его повели, словно раба и злодея, повели, уже обрекая на смерть, и не было пощады у них. Я смотрел и видел, как это было. Но что может сделать Ветер?

Петр стоял в тени оливкового дерева и смотрел на Учителя. Меч, еще хранивший следы крови храмового раба, был по-прежнему крепко зажат в Его руке. Его сердце стучало, как молот на наковальне. «Почему я послушал Его? Нужно было ударить еще, — и Петр до боли в суставах стиснул рукоятку меча. — Нет, зачем я повиновался?» — корил он себя. Но внезапно, вспомнив кроткий, но властный голос Учителя, ослабил руку, напряженно державшую меч. «Нет, теперь эта железка мне больше не пригодится», — и Петр отбросил меч в сторону. Клинок неожиданно громко звякнул, стукнувшись о камень. Он упал на хорошо освященный участок сада и в лунном свете блестел, словно серебро. Петр тупо смотрел на него, пытаясь принять хоть какое-то решение.

Тем временем Учителя повели из сада. Солдаты были радостно возбуждены. Скорое и быстрое решение дела давало шансы на награду и неплохой ужин. Учителя торопили, и кто-то, явно стараясь перед старшими отряда, сильно толкнул Его в спину. Петр видел, как Он пошатнулся, но не упал. От гнева Петр

сжал кулаки. Броситься на вооруженных солдат было безумием, и он сдержал свой порыв. «Надо проследить, куда Его поведут», — решил он и отошел глубже в тень, чтобы быть менее заметным. Слева от себя он вдруг услышал шорох и чье-то дыхание.

— Кто здесь? — спросил Петр.

— Это я, Иоанн, — услышал он ответ из темноты.

— Зачем ты здесь? — переспросил он его.

— Я не могу уйти, — просто ответил Иоанн и подошел к Петру.

Петр строго посмотрел на него. «Этот мальчишка всегда со мной рядом. Впрочем, сегодня, может быть, он еще мне пригодится», — подумал он.

— Уйди в тень, чтобы тебя не заметили, — сказал он Иоанну. И тот послушно отступил из освященного луной участка сада. Вдвоем они молча стали наблюдать за происходящим.

Те, что схватили Учителя, вели Его к выходу из сада. Петр с Иоанном, немного подождав, пошли следом, осторожно переходя от дерева к дереву. Впрочем, воины не ждали

никаких нападений и не смотрели по сторонам. В таком положении следить и следовать за ними было легче. И оба ученика, не рискуя быть замеченными, уверенно шли за отрядом. Они миновали сад и поток Кедрона и вошли в Город. Луна взошла уже совсем высоко, и теперь дома почти не отбрасывали тени. Чтобы не вызывать подозрений, Петр с Иоанном несколько увеличили дистанцию, но шли так же уверенно и почти не прячась. Дорога их скоро привела к дому Каиафы. Иоанн, будучи знаком с рабами первосвященника, вошел во двор. Немного погодя он вышел и провел с собой Петра.

Я поднялся в небо над Городом. Ночной Город уже спал, и никто из горожан даже не подозревал, что происходит совсем рядом от их домов. В дом первосвященника прибывало все больше и больше народа. С высоты мне было хорошо видно, как к воротам подходили знатные горожане и члены синедриона. «Сейчас они будут Его судить», — догадался я. И моя догадка возмутила мое сознание. Буря протеста поднялась во мне. «Как это может быть?» — спрашивал я себя.

Подобные беззаконие и наглость были мне совершенно непонятны. «Разве можно судить Судию всего мироздания?» — спрашивал я себя и не находил ответа. Волнение мое увеличивалось, и я не знал, что делать. Кто знает, что бы я предпринял, если бы не вспомнил Ее. Да, человек, я вспомнил Ее, и у меня появилась надежда. Я вспомнил тот удивительный и загадочный столп света, который я видел недавно в саду, где Она жила. «Он запретил мне вмешиваться самому, но есть Она, — радостно сказал я себе. — Да, есть Она и Ее молитва. Только Она в силах остановить это безумие». И я, окрыленный надеждой, не теряя времени, помчался по ночному небу туда, где Она жила.

Кто может угнаться за Ветром? Взмах крыла, и вот уже знакомый садик и дом. Я перевел дыхание и, дождавшись, пока волнение уляжется, тихо опустился к дверям дома. Тишина и покой были вокруг. Дверь была приоткрыта, и я осторожно заглянул внутрь. Там, в полумраке, горел светильник. Он тускло освещал маленькую комнатку со столом и кроватью. Ее не было дома, ком-

ната была пуста. «Где же Она может быть? — подумал я. — Может, Она пошла туда, где Ее Сын? Но откуда Она знает, что с Ним?»

Я оглянулся вокруг. Сад со старыми фруктовыми деревьями был загадочно безмолвен. Лунный свет, освещая его, отбрасывал на дорожки и траву причудливые тени. «Она, наверное, где-то рядом», — решил я и тихо полетел в глубь сада. Там, на небольшой поляне между деревьями, я увидел Ее, стоящую на коленях и молящуюся Тому, Кто Ее Сын. «Она все знает о Нем, — догадался я. — Глупо было думать, что Он скроет от Нее то, что происходит с Ним там». Я замел, ошеломленный тем, что увидел, и был готов рассыпаться на тысячу маленьких ветерков. «Зачем я тут? — спрашивал я себя. — Кто я, чтобы смотреть за Ней, когда Ее молитва доходит до Небес?» И я тихо, словно виноватый пес, отполз к домику в саду. «Она говорит с Ним, и всякое глупое вмешательство такого ничтожества, как я, неуместно». Завеса какой-то неведомой сокровенной тайны приоткрылась моему взору.

Я вдруг вспомнил тот день, когда Она вместе с Иосифом принесла Его, только что рожденного, в храм. И там их встретил старец, проживший на земле триста лет, ожидая Его Пришествия. Я помню те дряхлые старческие руки, взявшие Его так, словно и не он держал Его. Будто бы Сам Великий Владыка, наконец принимает его, старика, и упокаивает его душу. Я помню его согбенную до земли спину. Он принимал Младенца, видя в Нем своего Владыку, и чистая старческая слеза радости и умиления оросила его лицо. А потом он говорил Ей. Говорил о каком-то неведомом оружии, которое должно было пронзить Ее душу. Тогда я не понял значение его слов. Но сейчас, в саду, при свете луны видя Ее молитву, я вдруг все ясно и четко понял. «Вот оно, это оружие! — догадался я. — Вот оно! И оно действительно пронзило Ее душу. И если Она легко достает небо Своей молитвой и смиренно переносит невиданную боль, то мне ли, пустому ветру, сотрясать воздух?» И я так же тихо поднялся на крыло и полетел туда, где безумная толпа решала Его судьбу.

Слово Луны

Я Луна над Великим Городом, и мое предназначение светить людям ночью. Я, словно большой серебряный фонарь, поднимаюсь в темном небе и освещаю все вокруг себя холодным немеркнущим светом.

Я Луна, и я всегда печальна и одинока. Звезды, те, что окружают меня, бесконечно далеки, и их свет слишком слаб, чтобы равняться с моим сиянием.

Я Луна, и мне с высоты небес виден Город, словно он лежит на ладони. Я молчаливый свидетель жизни и дел людей. Мне всегда радостно, когда мой свет указывает дорогу, и грустно, когда он помогает кому-то творить зло.

Я Луна, и Бог поставил меня на тверди Небес не для того, чтобы я вмешивалась

в дела людей. Я светило ночи и свечу всему миру, одинаково ярко злым и добрым.

Я Луна, и мне памятна та весна и те праздничные дни, которые люди всегда подгадывают к моему полнолунию. Я, словно званный гость на их пиру, украшаю собой небо. В ту ночь, когда Его схватили, я поздно поднялась в небо. Мой свет осветил сад за Городом и старые маслины в саду. Если бы ты знал, человек, как бы я хотела в ту ночь скатиться с неба и упасть в море! Только бы не видеть и не знать того, что было открыто моему взору. Как было бы хорошо, если бы меня прикрыло хотя бы маленькое облачко. Но небо было предательски чисто. И я светила. Светила тем, кто шел к Нему не за словом и учением, а шел, чтобы схватить, а потом убить Его. С тех пор позор той ночи всегда со мной. Но я Луна и так далека от земли, что мне только и остается, что освещать ее своими лучами. О, если бы эти лучи были остры, как стрелы, они неминуемо поразили бы тех, кто шел тогда к Нему. Но я Луна, и мне остается только беззвучно плакать, вспоминая о той ночи. А глупые люди смотрят на меня и думают, от-

куда на ней моря. Нет, человек, это моря моих слез. Слез, пролитых о той страшной ночи. Слез горечи о моем невольном участии в ней.

Тогда я светила с высоты и видела все. Видела, как они шли и как Он ждал их, зная, зачем они идут. Видела, как Его схватили, и ученики, испугавшись, бежали. Я смотрела и видела, как Его вели в Город, туда, где уже ждали те, что словно хищные волки. И в их намерениях не было пощады. Я видела, человек, как Его били по лицу, и содрогалась от каждого удара. Но что моя мука и скорби по сравнению со скорбью и мукой Той, Кто Его Мать. Она, как голубка, ищущая своего птенца, устремилась в знакомый Ей сад. Ее сердце не давало Ей покоя и билось в груди, словно колокол. «Где Мой Сын? — был немой вопрос на Ее губах. — Где Моя любовь и радость Моя?» Кто мог ответить Ей на этот вопрос? Не было слов у деревьев и цветов, молчали птицы, и я, немая и безгласная, грустно смотрела на Нее с высоты небес.

В это время, там, далеко в Городе, безумные люди вершили свой суд, не имея на него никаких прав. «Кто Ты?» — спраши-

вали лукаво Его. Но Он молчал, и я видела, как ничтожный раб ударил Его по устам за это молчание. Но и здесь Он не проявил гнева, спросив только: «Зачем ты бьешь Меня, человек?» Зачем? Зачем? — словно эхо, повторили за Ним Небеса. Зачем? — застонала я. И там, далеко в саду, вскрикнула, словно птица, Та, Кто Его Мать, и обессиленная опустилась в траву под старой маслиной.

Тем, кто схватил Его, не хватало обвинителей. Тогда старший из них, подойдя к Нему, спросил:

— Ты ли Сын Божий?

— Да, — ответил Он.

И лукавый старикашка, довольный своей хитростью, разорвал на себе одежды первосвященника. И те, другие, что судили Его, загудели радостно, как дикие осы.

— Повинен смерти! — кричали они. И их крик потряс мир и небо.

Двое учеников были во дворе дома, где шел суд. Они ждали конца и грелись у костра. Немного погодя Иоанн куда-то отошел, и Петр остался у костра один. События страшной ночи были ему непонятны. Еще

недавно ему казалось, что уже завтра Учитель объявит о Своем грядущем Царстве. И вот Он схвачен и избит, и предстоит перед судом. Петр поморщился и тоскливо посмотрел на луну. «Если бы не этот вездесущий лунный свет, была бы надежда отбить Учителя в темноте еще там, в саду», — думал он.

Луна висела над Городом большим молчаливым фонарем и, казалось, не видела переживаний Петра. Он опустил глаза и подошел поближе к огню. Ночь была холодной, и Петр сильно замерз.

— А не ты ли был с этим бродягой? — спросил его раб первосвященника, родственник тому, кого Петр ударил мечом.

— Нет, — резко ответил Петр, даже не испугавшись вопроса. И, словно не замечая опасности, пододвинулся к огню еще ближе.

«Надо остаться здесь до конца, чего бы это ни стоило», — решил он.

Не прошло и минуты, как другой слуга пристально посмотрел на Петра.

— Твое лицо мне кого-то напоминает. Мне кажется, что ты из Его учеников, — сказал он.

— Нет! Я не Его ученик! — упрямо возразил Петр и зло посмотрел на говорившего. «Какое тебе дело? — говорил его взгляд. — Я все равно не уйду отсюда».

Раб, не выдержав его взгляда, отвернулся. Еще через минуту подошла служанка. Она по-женски пристально посмотрела на Петра и сказала:

— Это точно Его ученик.

— Я никогда не знал Этого Человека, — поклялся Петр. И в это время запел петух, предвещающая скоро рассвет.

Учителя вывели связанного во двор. Двое стражников, подталкивая древками копий и грубо крича, повели Его к воротам. Учитель, увидев Петра, стоящего у костра, посмотрел на него. «Я же предал Его, — догадался Петр, вспомнив слова Учителя, сказанные ему несколько часов назад. — Я предатель! О, ужас! Я предатель! — и Петр заплакал. — Господи, прости меня!» — кричало его сердце. Остаться в доме Каиафы не было никакого смысла, и он пошел прочь, втянув голову в плечи, сам став похожим на петуха. Петр рыдал о случившемся, и всю дорогу, пока он

шел от дома первосвященника, ему хрипло пел петух, напоминая о предательстве.

Учителя увели к Пилату. А в дом, где только что вершился суд, пришел тот, кто Его предал. Иуда тоже понял, что он предатель, и тоска, душившая его все это время, снова им овладела. «Зачем я это сделал? — тысячу раз спрашивал он себя. — Если бы повернуть время назад, но кто может его повернуть?» Он быстрой походкой вошел во двор и, пройдя к Каиафе, бросил ему кошелек с деньгами под ноги.

— Возьми свои деньги! — закричал он. — Это они виноваты в том, что я сделал! Зачем я предал Его вам?!

Каиафа смотрел на него улыбаясь.

— Предал ли ты Его или нет, нам нет до этого дела. Смотри сам, — и, не желая больше говорить, вышел.

Иуда в бешенстве выбежал из дома. «Мне нет прощения! — кричало его сердце. — Мне нет прощения!» — повторяло оно. Плохо понимая, что он делает, Иуда выбежал за Город, туда, где сады и рощи, и в изнеможении сел под осиной. Луна, словно насмехаясь над

ним, светила через редкую листву. «Ей нет до меня дела, — думал он. — Никому на свете нет до меня дела». Иуда снял пояс и накинул его на ветку. Все было готово. Еще немного, и... «Зачем ты это делаешь, человек?» — вдруг прозвучало в его сердце. «Это Его голос, — подумал Иуда. — Я не мог перепутать», — и он замер в нерешительности. Вокруг было тихо, и лишь луна безразлично смотрела на него с высоты. «Нет, наверное, мне показалось, — решил он. — Мне нет прощения!» И веревочный пояс натянулся под тяжестью тела.

Слово Ветра

Я снова вернулся туда, где вершился нечестивый суд. Развязка приближалась неумолимо, Его уже вывели во двор. «Видимо, приговор уже объявили, — решил я. — Правда, сейчас власть этих безумцев слаба как никогда. Им нужно получить санкцию Рима, иначе они не смогут Его убить». С высоты ночного неба мне было хорошо видно, как Он смотрел на Петра и как тот зарыдал и пошел прочь.

Петр, не понимая, куда и зачем идет, вышел из дома Каиафы. Стыд и отчаяние овладели им. Он побрел по пустынным ночным улицам и, сам не зная как, вышел за городские ворота. Там, впереди, в прохладной долине, шумел Кедрон. Петр спустился под гору и, переправившись через скользкие

камни, вошел в Гефсиманский сад. Недавние ночные события, словно живые, стояли перед его глазами. Уставший от напряжения и измученный переживаниями, он сел под стволом огромной старой маслины. На востоке яркими красными всполохами загоралась утренняя заря.

Страшная ночь кончилась, но наступавший день приносил с собой не менее тревожные ожидания. Петр оглянулся вокруг. «Да, именно здесь все и было, — вспоминал он. — И вот под тем деревом я стоял с Иоанном, а там, чуть впереди, Учитель. Где-то здесь я выбросил меч». И Петр, встав, огляделся по сторонам. Меч, никем не найденный и не тронутый, лежал от него на земле шагах в пяти. Он подошел к нему и взял в руки холодное железо. «И как я мог так обмануться? — подумал Петр. — Кто внушил мне, что я старший из учеников?» Петр вспомнил вечерю и слова Учителя: «Трижды отречешься», и снова заплакал. «Как я мог? — спрашивал он себя снова и снова. — Как я мог Его предать? Еще недавно здесь, в саду, я горел ненавистью к Иуде и готов был рассечь его вот

этим мечом». И он стиснул рукоятку клинка в руке. «А потом всего через час сам от Него отсекся. Нет, я недостойн того, чтобы ходить по этой земле!» Петр посмотрел на меч. Холодная сталь, словно магнит, манила к себе. «Один взмах, и все кончено», — подумал он и поднял руку с мечом. Он постоял минуту в нерешительности, но вдруг вспомнил взгляд Учителя там, в доме Каиафы. Взгляд полный любви и какого-то ожидания. «Он любит меня, даже если я отступил от Него, — догадался Петр. — И я люблю Его! Он ждет от меня другого!» И Петр так же, как недавно ночью, отшвырнул меч в сторону.

— Слишком просто и глупо, — вслух сказал он. — Прочь! Прочь, сатана! Я знаю, это ты меня искушаешь!

И Петр порывисто зашагал по тропинке туда, где ночью молился у камня Учитель. «Он любит меня! И я тоже Его люблю!» Еще не дойдя до камня, он упал на колени и зарыдал.

— Прости! Прости меня, Господи! — рыдал он. — Прости меня! Помилуй меня и очисти меня!

Его сердце готово было разорваться от чувств. Он плакал и не мог остановиться. Но уже где-то там, в самых сокровенных тайниках души, он верил и знал, что Учитель простил его. И уже сейчас обнимает его Своей любовью. Петру было обидно, что не только он, но и другие ученики разбежались при виде опасности. «Он сказал мне обратить тех, кто покинул Его. И я должен сделать это. Это именно то, чего Он ждет от меня», — решил он.

Петр пробыл в саду до вечера следующего дня. Он молился, сколько ему хватало сил, раскаиваясь и плача о содеянном, и лишь потом решил вернуться в Город. Тревоги дня миновали. Он ждал чего-то нового и неизвестного. Но сначала предстояло собрать вместе всех учеников, и Петр принялся их разыскивать.

Иоанн не покидал Учителя. Тогда, когда Петр ушел из двора Каиафы, он стоял недалеко от костра, где грелись солдаты, и смотрел на Учителя полными слез глазами. Его губы беззвучно шептали молитву: «Господи, помилуй! Только бы все обошлось! Толь-

ко бы обошлось! — напряженно повторял он. — Только бы обошлось! Господи, спаси! Спаси и помилуй!» Иоанн чувствовал и понимал всем своим существом, что Тот, Кого он звал Учителем, и есть Бог. И теперь ясно видя это, он молился Ему о Его же спасении. Его детское любящее сердце совершенно не вмещало того зла и ненависти, которое окружало Учителя со всех сторон. «Нет! Нет! И нет!» — повторял он. Но ничего не менялось. И Тот, Кого он любил всем своим существом, по-прежнему был уничижен и всеми оставлен. «Я буду с Ним до конца!» — твердо решил Иоанн и невольно сделал несколько шагов к Учителю. Но его грубо оттолкнули воины, и он, споткнувшись о камень, чуть не упал.

На небе уже не было звезд, и утро неизбежно приближалось. Учителя вывели на улицу. Там к тем, кто уже был на судилище, присоединились многие другие. Толпа становилась все больше, а ее возбуждение все сильнее.

— Ведите Его к Пилату! — кричали какие-то люди, похожие на храмовых слуг.

— Ведите Его! Посмотрим, как Он Себя оправдает!

Шум и волнение усиливались. Толпа, словно грязный поток, потекла по улице в преторию. «Нужно не отставать», — решил Иоанн и поспешил выйти за ворота. Там, подхваченный, словно течением реки, он вместе со всеми устремился туда, где должна быть решена судьба Учителя. «Римляне никогда не слушают толпу, — обнадеживал он себя. — Они хоть и жестоки, но имеют что-то похожее на закон и суд». Эта слабая надежда его немного ободрила и придала сил. Он зашагал уверенней и быстрее и скоро, обогнав многих, почти догнал тех, кто вел Учителя в преторию.

Я День, тот, что раскаляет зноем улицы Великого Города. Мною люди меряют годы и века. Я, словно капля вечности, постоянно теку от себя к себе.

Я, День, складываюсь в недели. Я День, из меня получаютя месяцы. Я День, из меня множатся годы, века, тысячелетия.

Я День, и тоже помню ту весну в Великом Городе и тот утренний час, когда Его привели к Пилату. Те, кто Его схватил, очень спешили. Им надо было успеть сделать задуманное зло. Приближался праздник, и по их безумному плану следовало закончить все до вечера. Именно поэтому с первыми проблесками зари они привели Его туда, где хотели утвердить свой приговор. И я свидетель тому, человек.

Я, День в Великом Городе, говорю тебе, что те, кто Его привели, привели своего Царя. Они были ничтожны и беспомощны что-либо сделать сами. Им нужен был тот, кого звали Пилатом. Его ненавидели как жестокого чужеземца, но сегодня он был им необходим, они, словно льстивые псы, пришли к нему.

Пилат не любил ни Города, ни народа, который жил в нем. Ему были противны их вечные склоки и ссоры. Он ненавидел солнце и зной, которые раскаляли стены и камни, как в бане. Когда утром центурион доложил ему, что к нему пришли члены синедриона с целой толпой горожан, он поморщился.

— Что им нужно? — раздраженно спросил он офицера.

— Они привели какого-то преступника и хотят представить Его на твой суд, — ответил центурион, и ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Суд? — переспросил Пилат. — Какой может быть суд? Скажи им, пускай сами разбираются в своих сплетнях и ссорах.

— Они никуда не уйдут, — отчеканил центурион.

«Проклятый Город, — подумал Пилат, — и эти из Синедриона, словно мухи, назойливы и противны. Придется все-таки их принять, все равно они не отвяжутся».

— Зови, — коротко приказал он.

Пилат знал, что те, кто к нему пришли, не войдут во дворец. Глупое суеверие запрещало им это делать перед праздником. Поэтому он вышел на крытую галерею с балконом и сел там в тени в кресло, уже поставленное центурионом. Свежий утренний ветерок приносил с собой приятную прохладу. Прокуратор был уже доволен тем, что не принял просителей во дворце. «После них всегда противно воняет», — подумал он и блаженно улыбнулся утренней свежести. Тем временем вдали слышались шаги. «Стоит показать им свое недовольство», — решил он и придал лицу строгое выражение. Увидев подходящих к нему Каиафу и членов синедриона, Пилат презрительно улыбнулся. «Собаки, — подумал он, — плешивые собаки. Сейчас они готовы лизать мои ноги ради своей выгоды. Но стоит только оступитья, и они же разорвут

меня на части». Он прикрыл лицо ладонью, словно закрываясь от утреннего солнца, и стал сквозь пальцы рассматривать Арестованного, Которого они привели с собой.

Тот, Кого привели, стоял спокойно и без страха смотрел на Пилата чистыми голубыми глазами. «Какое у Него красивое лицо, — подумал прокуратор. — Скорее всего, эти мерзавцы обвиняют Его из зависти или какой-то своей корысти».

— Мы привели к тебе преступника и злодея, господин, — тщедушным голосом прокрипел Каиафа.

Пилат снова поморщился. «Лучше командовать легионом и биться с германцами, чем слушать эту падаль», — подумал он.

— Этот человек нарушает наш закон, — продолжал Каиафа, — и Он должен умереть как преступник.

Пилат молчал. «Пусть себе выговорятся, — решил он. — Если им возразить или спросить что-то, они все равно облают меня, как псы».

— Он сказал, что разрушит храм! — крикнул кто-то из толпы.

— Он не хранит суббот! — вторил другой голос.

— Он объявил себя Царем Иудейским и Сыном Бога! — крикнул еще кто-то.

«Залаяли псы», — тоскливо подумал Пилат и поднял руку. Крики утихли.

— Отведи Его в атриум, — приказал он центуриону и, встав с кресла, ушел во дворец.

Через минуту Пилат был наедине с Учителем.

— Ты Царь Иудейский? — спросил он Его.

— От себя ли ты говоришь это? — ответил Тот.

— Разве я иудей? — переспросил Пилат. — Что Ты сделал? В чем Тебя обвиняют?

— Царство Мое не от мира сего, — сказал Учитель.

— Итак, Ты Царь?

— Ты говоришь. Царство Мое не от мира сего. Я пришел в этот мир свидетельствовать об Истине.

— Что есть истина? — спросил Пилат и, не дожидаясь ответа, вышел к толпе.

— Я не нахожу в Нем вины, — сказал он.

— Распни! Распни Его! — закричала толпа.

И их крик был столь силен, что его слышно и сейчас. И я свидетельствую тебе, человек, небо и земля содрогнулись тогда от этого звериного крика. Еще вчера Его любили и слушали в храме, путь перед Его ногами устилали цветы. А сегодня кричали: распни!

Учителя увели внутрь двора. Там Его раздели и, привязав к столбу, бичевали так сильно, что кровь хлестала по стенам. На голову, достойную царской короны, надели венок из проклятого навеки терна. И били по этой голове тростью так, что шипы вонзались в нее. После чего, избитого и окровавленного, Его вывели к толпе.

— Распни Его! Распни! — кричала толпа, словно стая волков. — Отдай нам Варавву! Если ты Его не распнешь, ты не друг кесарю! Всякий, делающий себя царем, не друг кесарю!

И Пилат испугался. «Они донесут на меня кесарю», — подумал он.

— Что же сделать Ему? — крикнул он толпе.

— Распни Его! — вновь закричали они.
Пилат умыл свои руки.

— Я не виновен в Его смерти! — крикнул он толпе.

— Кровь Его на нас и детях наших, — закричали в ответ безумцы.

С тех пор и до сего дня кровь Бога не смыта с этого народа.

Взамен, словно некое сокровище, они получили Варавву, злодея и убийцу, осужденного за многие преступления. Волк легко найдет место в волчьей стае.

Та, Кто Его Мать, тоже была там и слышала крики толпы. На Ее глазах осудили Ее Сына, и осудили напрасно. Люди отдали на смерть Того, Кто дарит жизнь. Обрекли на позор Того, Кто Вечная Слава. Как Она вынесла это? Не знаю, человек. Скажу тебе только, что если собрать все слезы, пролитые людьми, и вылить их в чашу, то и тогда их горечь не превзойдет ту горечь и боль, что испытала Она.

Еще я помню, что время тогда предательски замедлило ход и минуты превратились в часы. «Когда же, — думал я, — кончится у меня, Дня, этот самый тяжелый день среди всех моих дней?» И не находил ответа.

Слово Ветра

Я был на суде Пилата и слышал крики: «Распни!» Римляне хоть и жестоки, но имеют некое подобие суда. Они дают обвиняемому возможность защищаться от обвинителей. И у меня была надежда, что суд Рима признает Его невиновным, потому что не в чем было обвинить Его. Но скоро я понял, что надеялся зря. Здесь было то же беззаконие и та же ложь. Никто и не пытался Его защищать. Прокуратор, решительный и неумолимый, легко согласился бичевать и истязать Его, а потом и вовсе предал на распятие.

Я помню тот день и зной солнца, висящего в небе огромным желтым шаром. Его истязали и мучили. А знаешь ли ты, человек, как вонзается в плоть свинец римского

бича? Как он рвет в клочья жилы и выбивает из груди стон? Многие умирают от такой пытки, не дожив до казни, потому что рука палача не знает пощады. А римская рука особенно сильна и жестока.

Избитого и окровавленного, Его вывели к толпе. И те, кто вчера слушал Его затаив дыхание, сегодня кричали: «Распни!» И Его повели на распятие. Я видел эту толпу, человек. Город, который недавно встречал Его как своего Царя, сейчас равнодушно провожал Его на смерть. «Зачем это было?» — спрашивал я себя тогда. Но где был ответ и кто успокоит меня?

Толпа была огромна, и она ревела, словно море. Жажда крови и смерти — вот чего хотела она. Римлянам пришлось сомкнуть ряды солдат, чтобы ослабить ее напор. Я оглянулся вокруг. «Есть ли хотя бы одно лицо, страдающее Ему? — думал я тогда. — Вот несколько женщин, тех, кто следовал за Ним. Они не скрывают своих слез, и печаль у них на лице». Мой взгляд пробежал по их лицам и остановился, увидев Ее. Великая Мать пришла увидеть Своего Сына. Она стояла окру-

женная теми, кто с Ней был всегда и во всем помогал. Ее глаза, полные тоски и страдания, были устремлены на Него. Она смотрела на Своего окровавленного и истерзанного Сына, и Ее сердце разрывалось от горя. «Что делают эти люди? Зачем они убивают Моего Сына?» — был немой вопрос в Ее глазах. Он тоже видел Ее и смотрел Ей в глаза, утешая и успокаивая Ее Своим взглядом. О чем Они говорили тогда друг с другом без слов? Что было между Ними? Никто никогда не постигнет этой тайны, и не мне, Ветру, гадать о ней. Я искал в толпе Его учеников и увидел одного из них.

Иоанн тоже стоял в толпе и, как и все, видел все происходящее. Он ничего не ел и не пил с самой ночи, и жажда мучила его. Но желание быть с Учителем было таким сильным, что он и не думал уходить. «Останусь до самого конца», — решил он и упрямо боролся с усталостью и жаждой. Толпа напирала со всех сторон, и на узкой улочке места было не много. Чтобы лучше видеть, он встал на ступеньку у дома и, став сразу выше всех на голову, хорошо видел проис-

ходящее. Учитель стоял с крестом на спине, ожидая, пока легионеры расчистят дорогу. Кровь и синяки от ударов окрасили Его тело в зловещий лиловый цвет. Сердце Иоанна сжалось от боли. Он словно бы сам был там и терпел удары и унижения. «Как Ему плохо сейчас», — думал он и не знал, чем помочь.

Наконец, дорогу расчистили от зевак и любопытных, и началось мучительное шествие к месту казни. Вместе с Учителем на казнь вели еще двоих осужденных. Они тоже несли на своих плечах кресты. Легионеры безжалостно заработали бичами, и процессия двинулась по Городу. Учитель был очень ослаблен, и идти Ему было трудно. Он несколько раз споткнулся, и наконец упал на мостовую. На тело Страдальца обрушились безжалостные удары бича. Иоанн в юношеском порыве рванулся к Нему, желая помочь. Но, стиснутый толпой, отступил.

— Куда прешь! — крикнул на него высокий легионер со шрамом на лице и замахнулся плетью.

По узкой улочке Города, поднимая пыль и расталкивая толпу зевак, промчалась кон-

ная ала. Всадники рысью прошли по улице и скрылись за воротами. Толпа наседала, и легионеры стали потихоньку отодвигать ее с прохода. Иоанн встал на цыпочки и, вытянув голову, пытался разглядеть Учителя. Наконец он увидел Его идущего и несущего тяжелый крест. За Ним шли двое других осужденных. Легионер, тот, что кричал на Иоанна, свирепо сверкая глазами, хлестал плетью наотмашь по тем из толпы, кто слишком напирал.

Наконец порядок был восстановлен, и через минуту Иоанн увидел, как мимо него, тяжело дыша, прошел Учитель. «Ему очень трудно», — думал Иоанн, не зная, чем помочь, и бессильно оглядываясь по сторонам. На противоположной стороне улицы у двери какого-то дома стоял брат Учителя Иаков и, стиснув зубы, смотрел на шествие. «Он тоже здесь», — обрадовался Иоанн. Ему очень хотелось подойти к Иакову, но толпа, разделяющая их, исключала такую возможность. Иоанн поднял руку и сделал ему знак. Иаков заметил, но почему-то отвернулся. «О чем он думает сейчас? — размышлял Ио-

анн. — Ему, наверное, особенно тяжело видеть брата». Иоанн на минуту отвлекся и, когда снова посмотрел на противоположную сторону улицы, Иакова уже не заметил.

«Этот всегда ходит следом, — злился Иаков, увидев Иоанна, — нигде от него не спрячешься». Дождавшись, когда процессия с узниками пройдет мимо, Иаков повернулся и пошел прочь. Он сегодня целый день обдумывал свою догадку, ту, что стала ему ясна совсем недавно. Иаков понял, что его Брат, Тот, что всегда был с ним рядом и детство Которого прошло перед его глазами, и есть Тот Самый Мессия, которого так ждал его народ. Иаков, назорей с детства, никогда в жизни не евший мяса и не понаслышке знавший, что такое пост и молитва, понял сейчас, что его ожидание Мессии наконец исполнилось. Он хорошо знал Писания, а там ясно предсказывались те страдания, которые должен был на себе испытать долгожданный Мессия. И это было сейчас перед его глазами, и это было с его Братом. И это был именно Он. «Мне больше нечего здесь делать», — решил он и пошел прочь.

Смотреть на казнь и смерть Брата было невыносимо. «Он должен воскреснуть! Иначе все это не имеет никакого смысла! Мессия не может умереть! — догадался Иаков. — Я уйду за Город, в пещеры, и буду там день и ночь, пока не увижу воскресшего Брата», — решил он и зашагал в другую сторону.

Никто не был свидетелем его молитвы, человек. И даже я, Ветер, не знаю, где та пещера, в которой он ждал Его Воскресения. Я знаю лишь то, что его любовь к Нему и молитва были столь велики, что он не мог не дождаться Его где-то там, в глубине скал.

Слово Великого Города

Я Город, и был построен как Город Великого Царя. И все эти дни и годы я ждал Его прихода. Поколение сменялось поколением, шли века, и я ждал, когда Его нога ступит на мою мостовую. Я видел вокруг себя множество народов и царств. Они мелькали передо мной бесчисленным калейдоскопом. Но я, Великий Город Великого Царя, ждал Его. И вот однажды я вздрогнул, почувствовав поступь Его ног.

Я Город, и я ликовал тогда и радовался, как мальчишка. И сам был готов выбежать Ему навстречу, как те, что кидали Ему под ноги цветы.

Я Город, и дом для людей. Во мне, словно в улье, тысячи тысяч тех, к кому Он пришел

тогда. Я помню эти дни, человек. И скажу тебе, что даже если бы сейчас небо сошло на землю, у меня не было больше радости, чем та, когда я почувствовал Его шаги. Но как быстро радость сменилась печалью! О, стены и башни, дома и дворцы, почему вы не накрыли меня и не погребли в обломках, когда Его повели, словно раба, на распятие? Ужасен тот день, человек. Я тоже испил чашу горя, как и все те, кто был счастлив, когда Он пришел.

Но я Город, и я не могу, словно птица, вспорхнуть к Небесам. У меня нет голоса, и мне не дано крикнуть: «Остановитесь, люди!» Горе мне, что я дожил до позора этих дней. Теперь, каждый раз вспоминая минувшее, я вздрагиваю так же, как тогда. И те, кто живут во мне, чувствуют эту дрожь.

Был жаркий день, когда Его повели убивать. Те, кто делал это, возложили тяжелый деревянный крест Ему на плечи. И Он пошел, ступая Божественной ступнею по моим улицам. А я вздрагивал от каждого шага. Каменные плиты моей мостовой становились мягкими, словно воск, под Его ногами. Те,

кто вели Его, насмехались над Ним и били Его бичами, словно вола, поторапливая и понукая. Тяжесть креста была велика, а боль от бичевания столь сильна, что Он часто падал на мою мостовую. И те, кто вели Его, пинали Его безжалостно ногами, понуждая вставать. И Он вставал, тяжело опираясь рукой о камень, оставляя на нем пятна Своей крови. Так было, пока Он, совсем обессиленный, не прислонился к стене. Я вздрогнул от этого прикосновения. Мне захотелось обрушить на всех этих людей кровли и крыши, портики и колонны. «Разве они достойны жить на земле?» — спрашивал я себя. Но Он сказал мне:

— Не стоит, не надо. Пусть сбудется все написанное обо Мне.

И прикоснулся рукой к стене. И я, бездушный каменный Город, заплакал от горя. Мои стены стали мягкими, и там, где Его ладонь коснулась меня, в камне остался отпечаток. Я храню его как великую святыню до сего дня, человек.

Потом те, кто Его вел, видя, что сил Ему не хватает, взяли другого и заставили

его нести крест. А Он пошел к месту казни уже без креста. Я помню тот день так ясно, словно он и сейчас перед моими глазами. Толпа, что шла за Ним, не была к Нему милосердна. Многие смеялись и были довольны жестокой расправой. Увы, люди порой бывают кровожаднее волков. Правда, были и такие, что скорбели о Нем. И я свидетельствую тебе, человек, что это были женщины. О, великая тайна женского сердца! Если бы не любовь и милосердие, которое обитает в нем, каким бы жестоким был мир людей. Вот и тогда, видя Его страдания, они плакали и рыдали от горя. Но кто слышал их слезы, кроме Него? И я помню, как Он, остановившись, сказал им: «Не плачьте обо Мне. Но плачьте о себе и о детях ваших». Я слышал эти слова и понял, что придут еще дни отмщения за безумие. Потому что бывает время, когда истощается терпение небес.

Я видел и Ту, Кто зовется Его Матерью. Она шла за Своим Сыном, и скорбно было Ее лицо. Кто, как не Она, знал, Кто Он? И как Она могла вытерпеть боль тех дней? Я не знаю, человек, нет у меня слов.

«Если миром правит справедливость, где она? — думал я. — Если миром правит закон, где он? — спрашивал я себя. — Разве имеет право жить мир, убивающий Того, Кто его создал?» Не было у меня ответа на эти вопросы, человек. Но я посмотрел на Нее, и мысли мои улеглись. Да, я видел великое горе, отраженное на Ее лице. Но я видел и еще большее смирение перед волей Небес. «Кто я такой? — спросил я себя. — Камень и прах, и нет ничего другого во мне. Если Она, Та, что страдает больше всех, сейчас покорна воле Отца, и нет тени сомнения в Ней, и не сходит с уст Ее ропот, и проклятия не знает Она, тогда я должен молчать. Пускай я буду нем, как рыба в воде». И я замолчал, человек. Замолчал на века. Сейчас я храню лишь память тех дней, оставшуюся в камне моей стены.

Слово Ветра

Путь скорби — так назовут люди через века эти камни и мостовую, по которым Он прошел тогда. Его вели на казнь, и Он уже не нес креста. Другой делал это за Него, потому что у Него уже не было сил. Я видел, как Он останавливался, окровавленный и обессиленный, и воины, не давая Ему отдыха, беспощадно хлестали Его бичами. Наконец они вышли за ворота, и Город остался позади. «Великий Город потерял Великого Царя», — подумал я тогда и снова взлетел высоко в небо, чтобы оттуда с высоты видеть все. Там, в недостижимой вышине, висел огромный шар солнца и безжалостно жарил зноем своего Создателя. Но что может сделать солнце, как и я, послушное Его воле?

Жара становилась все сильнее, и Иоанну все больше хотелось пить. Он облизнул языком пересохшие губы, но от этого жажда стала еще сильнее. «Ничего, я потерплю, — ободрял он себя, — Ему еще тяжелее». Он встал в тени дома и немного перевел дыхание. Легионеры с осужденными уже проходили через городские ворота. Иоанн поднял голову и посмотрел на солнце, висящее над головой. «Хотя бы одно облачко прикрыло Его», — подумал он. Но небо было чистым и неестественно голубым. Цвет чистоты и радости казался сегодня совершенно неуместным.

Он постоял еще немного в тени дома. Сил было мало, но никто и ничто не могло его заставить изменить свое намерение следовать за Учителем. Иоанн утер тыльной стороной ладони едкий, смешанный с пылью пот и, тяжело передвигая непослушные ноги, поспешил за удаляющейся процессией. Тем временем полуденный зной делал свое дело. По мере продвижения к месту казни толпа, идущая за осужденными, редела. Оставались лишь самые любопытные и те, кто, как и Иоанн, сострадал осужденным.

Пыльная раскаленная солнцем дорога круто повернула вправо и уперлась в подножие горы Смерти. Именно здесь распинали и казнили преступников. До места казни дошли лишь немногие из провожавших. Иоанн, немного отставший, увидел среди них Мать Учителя. Она стояла недалеко от Него с несколькими женщинами. Она тоже увидела его и грустно улыбнулась. Иоанн хотел подойти к Ней поближе, но римский легионер, тот самый, что замахнулся на него бичом еще в Городе, преградил ему дорогу.

— Стой на месте! — грозно крикнул он. — Нельзя подходить к осужденным!

И, видимо, чтобы его слова были более доходчивы, толкнул Иоанна древком копья. Удар был не сильным, но Иоанн, уставший и измученный жаждой, споткнулся о камень и упал навзничь. На минуту его сознание помутилось. Очнулся он от того, что почувствовал прикосновение чьих-то рук к своему лицу. Он открыл глаза и увидел Ее. Она стояла, наклонившись к нему. Ее теплая ладонь стирала с его лба пот и пыль. Иоанн улыбнулся совсем как дитя, увидевшее любящую

мать. Ему было хорошо и спокойно, и он на мгновение забыл, зачем он здесь и что делает тут. Глухие удары, стук молотов и крики осужденных, раздавшиеся вдруг, вернули его в реальность. Иоанн резко встал и посмотрел туда, где у крестов возились и что-то делали legionеры. «Они прибивают их к дереву гвоздями, словно доску у дома», — догадался он и задрожал от своей страшной догадки. Его чистое сердце не могло вместить подобной жестокости. Иоанн заплакал.

Она тоже поняла, что происходит, и смотрела туда, где был Ее Сын. Лицо Ее побледнело, словно мрамор, и боль ударов по Его плоти эхом отозвалась в Ее сердце. Жара становилась совершенно невыносимой, legionеры торопились. Они подняли кресты и поставили их в заранее выкопанные ямы. Стук камней и земли по дереву завершил их работу. Над горой стояли три креста, и три человека ждали неминуемой смерти. И римляне уже больше не беспокоились о том, что кто-то помешает казни. Они ослабили охрану, и Иоанн с Матерью Учителя подошел совсем близко к Его кресту.

Все сотворенное Богом повинуется своему Создателю. Никогда звезды и луна не будут сами по себе взбираться на небесный свод. И море не зашумит и не заволнуется по своей прихоти. Но скажи мне, человек, что делать мирозданию, когда Тот, Кто его создал, умирает мучительной смертью на кресте? В тот страшный день Вселенная замерла, ожидая своего неминуемого конца. Иного и быть не могло. И первым отказалось светить миру солнце. Я помню, как в тот день во всем мире пропал свет и творение погрузилось во тьму. Далеко-далеко в разных странах люди сказали друг другу: «Что это было?» И ответили: «Умер Бог!» И не было другого ответа у них.

Умер Бог! Разве возможно такое? Никакой разум под Небом и на Небе не вместит подобное! Умер Бог! Силы небесные поколебались в тот миг. Но Он удержал мироздание от неминуемого конца. Потому что не пришло еще время конца, но началось великое начало!

Слово Солнца

Я Солнце, то, что восходит и заходит над Великим Городом. Мой свет одинаково освещает дела людей, злые они или добрые. Бог поставил меня на тверди небес для украшения дня. Мне радуются, когда я поднимаюсь на небосклон после зимы, и меня проклинают, когда я летом приношу удушливый зной.

Я Солнце, и одинаково свечу миру людей. Тот, Кто создал меня, не дал мне слов, и я не умею плакать, как плачут дождем небеса. Мое предназначение — каждое утро взбираться все выше и выше в небо, чтобы потом вечером закатиться за морской горизонт.

Я Солнце, и помню ту весну, про которую мне предстоит рассказать тебе, человек.

О тех далеких и самых страшных часах мироздания. Я свидетель великого преступления людей. Мой свет хотел бы погаснуть в те страшные часы. Но я Солнце, и мне не дано не слушать Его.

Те, кто Его убивал, пришли с Ним на гору, ту, что над Городом. Там было место позора и смерти для всех осужденных. Их было трое, тех, кого казнили в тот день. Двое преступников и убийц, и среди них Он, Тот, Кто был выше небес.

Мой рассказ трудно мне дается, человек. Всякое воспоминание о том дне болью обжигает меня. Но, видно, пришло время сказать, и я говорю. Мой позор больше всех на земле. И до сего дня не знаю я покоя, вспоминая его. Ты спросишь меня, почему так? И я отвечу тебе, человек. Я страдаю оттого, что именно мой свет светил тем, кто Его убивал. Если бы ты знал, как я хотело испепелить их, словно соломую или сухую траву. Но Он сказал мне: «Стой! Остановись! Нет Моей воли на это! Мне нужно пройти до конца». И я осталось покорно Ему. Те, кто пришли убивать, положили всех осужденных на кресты и вбили

гвозди в их руки и ноги, и каждый из них застонал. Над Ним издевались и смеялись особо, прибив над головой табличку, на которой написали, что Он Царь. Глупцы и безумцы! Они не видели, будучи слепы, что это и был их Великий Царь. Воистину, все безумие мира распинало Его. Но свершилось то, что писали о Нем.

Я помню эти три креста на горе, и мое горе, человек, еще сильнее. Зной моих лучей приносил страдание Тому, Кто моя любовь. Но откуда Солнцу взять слезы? Их нет. Разве Солнце может плакать? О, если бы они были у меня. Я бы этими слезами погасило зной моих лучей. Но это невозможно мне, потому что я Солнце. И таким создал меня Тот, Кто тогда висел на кресте.

Те, кто Его убивал, смеялись над Ним и кричали Ему: «Сойди с креста! Мы поверим Тебе! Если Ты спасал других, спаси Себя Самого! Сойди, и мы признаем Тебя Царем!» Он грустно смотрел на них. Что сказать безумцам, рубящим Дерево Жизни.

— Прости их, Отец! — услышало я. — Прости! Они не ведают, что творят!

И я вздрогнуло от этих слов.

Один из тех, что был распят с Ним, поносил Его. Я помню его крики и проклятия, они до сих пор стоят в ушах моих. Другой сначала молчал, а потом закричал.

— Эй ты, замолчи! — крикнул он.

— Какое тебе дело? — злобно возразил первый.

— Молчи! Иначе я! — распятый напряг свое тело. Но оно, прибитое гвоздями, лишь дернулось на кресте.

— Куда тебе, — продолжал злобствовать другой. — Ты подохнешь, как и я, на этом кресте, — и он хрипло засмеялся.

«Да, я погибну, — подумал тот, кто вступился за Учителя. — Но я сотворил много зла, а Он не виновен». И он, напрягшись, вытянув шею, посмотрел на Того, Кого он только что защищал. Его лицо показалось ему знакомым. «Я помню это лицо». Разбойник снова попробовал подтянуться на кресте. Он снова вытянул шею и, щурясь от яркого солнца, мучительно старался разглядеть лицо Распятого. Наконец силы покинули его, и он безжизненно повис

на кресте. «Я помню Его, — прошептали его губы. — Я помню. — Да, — вспоминал он, — это было тогда, давно, в пустыне Египта. Был удачный день. Мы ограбили богатый караван и возвращались навеселе, нагруженные добычей, как вдруг среди барханов и песков нам встретились странные путники. Это было почтенное семейство, идущее куда-то налегке. Все их имущество умещалось в небольшом мешке, погруженном на ослика. И там же на ослике сидела Она. В руках Ее был Младенец. Я помню Его глаза. Люди, что это за глаза! Если б вы только знали. Тогда я слез с коня и подошел к путникам. И все мои товарищи замерли, как и я, в восхищении и удивлении. Если бы мне довелось видеть маленького Бога, Он не мог быть другим, сказал я себе тогда. И мы тихо ушли, оставив Им свои дары. Каждый из нас молчал тогда, думая о своем. А сейчас сердце мое кричит мне: вот Тот, Кого ты искал все эти годы!»

— Что же Ты не сходишь? — снова закричал другой распятый. — Или Ты напрасно называл Себя Богом?

— Молчи! Не смей поносить Его! Как ты можешь смеяться над невиновным! Мы с тобой не напрасно висим на крестах! А Он? Что Он сделал такого, за что Его распинают? — И разбойник, напрягая последние силы, повернулся на кресте к Учителю. — Господи! Господи, помяни меня во Царствии Твоем! — И обессиленный, теряя сознание, все-таки услышал сладкий как мед голос, говоривший:

— Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в Раю!

Разбойник хорошо расслышал эти слова. И уже в полузабытьи и плохо понимая, что происходит, приоткрыл на мгновение глаза. Там, внизу, у креста, стояла женщина. Он узнал бы Ее из тысячи других. Это была Она, Та, Которую он видел тогда в пустыне. Она смотрела на него ласково и участливо. И он тоже улыбнулся Ей. «Наверно, это уже Рай», — подумал разбойник и закрыл глаза.

Она стояла у креста, и с Ней был один из Его учеников. Никто и ничто не могли помешать им прийти сюда. Ни воины, ни смерть, ни страх перед мучениями. Они

стояли, исполненные любви к Тому, Кто висел на кресте. Их сердца разрывались от страданий. Я, Солнце, свидетельствую тебе, человек. Там, высоко-высоко в дали небес, я слышало стук этих сердец.

Он есть и будет великое воплощение любви, человек. И ты глуп и ничтожен, если ты не знаешь этого. Потому что я, пустое бездушное светило, знаю Его любовь. Тебе ли не знать ее, если Он пришел спасти тебя и всех даже ценой Своей жизни? Умолкни, человек, остановись в суете дней. Встань, словно тогда перед Его крестом. Спроси себя, не ты ли распинал Его? Нет, скажешь, не я. Меня не было там на горе. Это дело минувших веков. Знай, человек, что ты лжец. И язык твой — как язык змеи. Посмотри в сердце свое и увидь там себя. Каждое злое дело, исходящее из сердца твоего, распинает Его. И я до сего дня слышу стук молотков и вижу гвозди, те, что вы, люди, вбиваете в Него. Этот стук преследует меня по ночам, когда я сплю. И он неотступен днем, когда я свечу вам. И нет покоя мне все эти века. Я слышу его, и он всегда идет за мной.

Остановись, человек, взгляни на себя. Что увидишь ты? Есть ли в тебе любовь? И вот что я скажу тебе, если ты не найдешь у себя любви: иди к Нему, и Он даст ее с избытком, сколько ты хочешь. Потому что Он и есть Любовь. И нет другой любви под Небесами.

Та, Кто Его Мать, и ученик стояли у Креста. И Он, зная, что скоро умрет, не мог не утешить Ее.

— Вот сын Твой, — сказал Он Ей.

— Вот Матерь твоя, — сказал Он ученику.

И стали они теперь как Мать и сын на этой земле.

Приблизился самый страшный час на земле, это девятый час.

— Или, Или! Лама савахфани! Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты оставил Меня? — крикнул Он.

Воины принесли Ему на трости губку с уксусом, но Он не стал пить.

— Свершилось! — сказал Он. — Отче, в руки Твои предаю дух Мой! — и склонил главу.

И я померкло в тот же час. И тьма, черная, как ночь, опустилась на все лицо земли. И те, кто еще недавно радовались, стали рывать свои одежды.

— Что наделали мы?! — говорили они.

Но не было ответа на их вопрос.

Слово Ветра

Когда Он умер на кресте, весь мир погрузился во мрак, совсем так же, как и до творения. Те, кто недавно смеялся и кричал: «Распни!», не знали в ужасе, что делать. Земля ушла у людей из-под ног и сотрясалась так, что скалы трескались, словно спелые орехи. Мир задрожал в ужасе и страхе. Один из воинов, тот, что пронзил Его копьем, сказал, что это Сын Божий. И многие, очень многие из тех, кто недавно не верил в это, поняли тогда, как они сильно заблуждались. Но не все думали так.

Когда осужденных повели на казнь, Каиофа поспешил в храм. Приближался праздник, и ему, как первосвященнику, надлежало быть там. Бурные события ночи и дня

были позади. План, который он вынашивал так долго, удался как нельзя лучше. «Теперь, по крайней мере, прекратятся эти бесконечные волнения в народе, — думал он. — Я сделал это для всеобщего блага. Смерть одного ничто по сравнению с гибелью всех», — убеждал он себя, не желая признаваться, что истинная причина была в другом. Небывалый успех Учителя, Его демонстративное непризнание синедриона и его, Каиафы, вызывали у него и у других знатных горожан зависть и злобу. Они чувствовали себя лишними и ненужными, и это их бесило. С подобным положением дел мириться они не могли. «Сейчас уже все позади», — довольно думал Каиафа, поднимаясь по широким ступеням храма. Священники давно его дожидались и, увидев, что он в хорошем настроении, успокоились. Характер у Каиафы был мелочный и сварливый, но сегодня, похоже, от него ничего дурного ожидать не стоило. Стараясь угодить ему, каждый наперебой предлагал свои услуги.

Каиафа вошел в храм, туда, где завеса отделяла Святая Святых. День перевалил

за свою вторую половину. «Наверно, их уже распяли», — подумал он и подошел к чаше с водой для омовения рук. Он не успел и протянуть к ней руки, как внезапно свет дня померк. Тьма, навалившаяся на Город, была такой густой и непроглядной, что ничего не было видно вокруг. Каиафа стукнулся локтем о чашу и опрокинул ее. Где-то далеко в притворе слышались крики ужаса, и запахло паленой шерстью. «Наверное, опрокинули светильник, — догадался Каиафа. — Но что это такое?» — в ужасе думал он. Света не было. Тьма, словно плотная вязкая масса, окружила его со всех сторон. «Что это такое?» — спрашивал он себя и не находил ответа. «Может меня проглотил Шиод?» — в ужасе подумал он, и волосы на его голове зашевелились словно змеи.

Плохо понимая, что делает, Каиафа метнулся, словно раненый зверь, ища выхода, и, наткнувшись на одну из колонн, больно стукнулся об нее коленом. Земля под его ногами задрожала так сильно, что Каиафа упал. Он ползком отполз от колонны и сел на полу. Где-то глубоко внизу, в недрах,

там, где всегда было твердое основание, слышались глухие удары. Земля колебалась и дрожала. Неожиданно впереди, там, где завеса скрывала Святая Святых, раздался сильный треск. Ткань, разделяющая храм надвое, разодралась до основания. Семисвечник, тот, что горел за завесой, стоял на своем месте и освещал тусклым светом разодранное полотно. Увидев Святая Святых открытым взору, словно обнаженным, Каиафа испугался еще больше. Он понял, что произошло что-то страшное, но не знал, что. Как безумный, он на четвереньках, как зверь, пополз к выходу, пользуясь тем, что светильник немного освещал ему дорогу.

Он выбрался в притвор, где никого не было и тлела вторая завеса, от нее противно пахло шерстью. Тем временем колебания земли прекратились, и Каиафа, немного успокоившись, сел на полу и перевел дух. Сколько прошло времени, он не знал. Но ему казалось, что миновала вечность.

Постепенно свет стал возвращаться в мир, и вместе со светом вернулись в притвор служители. Они нашли своего перво-

священника по-прежнему сидящим на полу и дрожащим, как осиновый лист. Каиафу взяли, словно ребенка, под руки и увели. Только под вечер он пришел в себя. Страхи, пережитые им в храме, отступили. Хитрый старик все обдумал и, приняв решение, стал с поспешностью делать распоряжения. Прежде всего, он приказал зашить завесу и никому ничего не говорить под страхом казни и смерти. Затем спросил, умер ли казненный Учитель. Получив утвердительный ответ и узнав, что Его уже похоронили, Каиафа заторопился к Пилату. «Нужно спешить, — подгонял он себя. — Все эти непонятные явления природы могут быть на руку Его ученикам. Какими бы они ни казались простачками, но таким стечением обстоятельств всякий легко воспользуется. Следует их опередить». Времени было мало, и он, как мог быстро, пошел в преторию. «Только бы Пилат был на месте, — волновался он. — А впрочем, куда ему деваться? Разве что он не захочет со мной говорить. Но, скорее всего, и ему самому эта история не очень приятна, и он захочет поскорее ее

уладить», — и, успокоенный самим собой, Каиафа прибавил шагу.

Распятием осужденных командовал преторианец Лонгин. С самого утра, когда осужденных еще не вели на казнь, у него было странное и необъяснимое чувство тревоги. Он, привыкший к виду крови и черствый, как все воины, был почему-то взволнован. Лонгин не мог понять, откуда у него появилось такое незнакомое ему чувство.

День с самого утра складывался неудачно. Крики толпы, ее излишнее перевозбуждение раздражали Лонгина. Ему было хорошо понятно и ясно, что преступника нужно и даже необходимо наказать. Но как можно осудить на смерть совершенно невиновного человека? А то, что Тот, третий, был невиновен, он не сомневался. За всю свою долгую военную карьеру Лонгин хорошо научился разбираться в людях. Ему было достаточно посмотреть в лицо любого человека, чтобы сказать, что скрывают тайники его души. Но такого лица и взгляда, как у Этого Осужденного, он не видел никогда. Чувство долга и ответственности вступило в его душе в не-

примируемую борьбу с состраданием и жалостью, которые появились у него непонятно откуда. Но долг и служба неумолимо заставили его сначала распять, а потом и ударить копьем Осужденного.

Удар копья римского легионера чуть ниже сердца смертелен для жертвы. И Лонгин, хорошо владевший этим приемом, почему-то почувствовал непривычную для него дрожь в руке. «Это все, что я могу для Него сделать. По крайней мере, Его мучения прекратятся», — оправдывал он себя. Он посмотрел на других распятых. Двое легионеров большим молотом перебивали у них голени. «Хорошо, что молот Его не коснется», — подумал он и снова посмотрел на Распятого.

Из раны под сердцем истекала кровь и вода. Затмение солнца и последующее землетрясение еще больше взволновали Лонгина. «Я ударил копьем Бога!» — подумал он и ужаснулся. Страх, липкий и неотвратимый, такой же сильный, как тот давний страх, что он испытал в первом своем сражении с германцами в долине Рейна. Этот страх, словно

вата, поглотил его. И Лонгин, пытаясь заглядеть вину перед Казненным, приказал снять охрану. Он посмотрел на стоящих неподвижно под крестом женщин и худого, почти прозрачного юношу. Чувство вины перед ними заставило его покраснеть. «Мне нечего здесь больше делать. Нужно доложить обо всем Пилату», — решил он и пошел с горы. Идя по дороге и спотыкаясь о камни, как пьяный, он твердил: «Я убил Бога!» И скупая соленая слеза легионера текла по его грязному от пыли лицу. «Я убил Бога!» Повторял он, словно помешанный, и ему казалось, что весь мир вокруг него подтверждал его слова.

Слово Горы

Я Гора за Великим Городом. Непомерна тяжесть моя и место, что стало местом скорби и плача. Подо мной лежат кости многих, кто нашел тут покой. И тот, кто был первый человек, храним мною в недрах моих. Он плакал здесь в давние дни, вспоминая потерянный рай, и умер здесь. И здесь же во мне то, что осталось от его прежней красоты. Всякий из людей с тех пор встречает смерть, и никто не смог избежать ее когтистых лап.

Я Гора, и я помню тот день, когда на мне стояли три креста. На одном из них умер Он. Что чувствует плоть, когда в нее вонзается меч? Как стонет от боли она! Так и я стонала тогда, когда в меня вонзили Его крест. Вы-

слушай, человек, свидетельство Горы, я буду говорить тебе о том дне.

Вздрогнула от боли плоть моя, когда почувствовала в себе Его крест. Но есть ли слезы у горы? И может ли она оплакать горе свое? Нет, этого не дано мне. Но плоть моя не могла терпеть боль, и раскололась она ущельем до самого сердца моего, там, где лежал Адам.

И потекла с Распятого на мне кровь. Она истекла из Его ран, и упали капли ее на меня, словно горячий свинец. Эти капли прожгли плоть мою и там, далеко в глубине, коснулись того, кто Адам. Его кости омыл кровью Своей Тот, Кто выше всех.

Я Гора, и хорошо помню тот день, человек. И тьму по лицу земли, так, что все живое поняло тогда, что умер Бог. Если есть слезы на земле о тех днях, пускай они прольются, а если их нет, пусть будет стон. У меня нет слез, человек, я Гора. Но стон мой до сего дня в память о том дне, и нет покоя мне.

Среди тех, кто стоял у Его креста, был один, который пошел просить тело Его. Времени было мало, похоронить Учителя нужно было сегодня, и Иосиф спешил. Он быстрым

шагом поднимался по улице вверх, туда, где во дворце, построенном Иродом, жил Пилат. По пути ему то и дело приходилось объясняться с многочисленными патрулями. Пилат, видя то напряжение, которое вызвала в Городе казнь, распорядился об усиленной охране дворца. Иосиф был известным членом синедриона, и многие римские офицеры его хорошо знали. Дело облегчалось еще и тем, что вместе с ним к Пилату шел римский сотник Лонгин, тот, кто командовал легионерами на Голгофе. Они спешили, как могли, но вечер безжалостно приближался. На площади у дворца разместилась конная ала. Солдаты были спешенные, но среди них чувствовалось напряжение. Лонгин сделал знак командиру отряда и, пропустив Иосифа вперед, прошел с ним во дворец.

Пилат сидел в том же кресле на галерее, где утром принимал обвинителей. Он задумчиво смотрел на кровавое зарево заката и пытался найти для себя хоть какое-то оправдание случившемуся. Непонятная тоска и чувство вины не покидали его. Со стороны было похоже, что он спал. Но шаги,

по-военному четкие, отвлекли его от мрачных размышлений. Он обернулся и увидел дежурного центуриона.

— С места казни пришел с докладом сотник Лонгин, — доложил тот.

Услышав голос офицера, гулко прозвучавший в галерее, Пилат напрягся, сам не понимая, почему. На его шее выступила багровая жила. На что-то еще надеясь, он, приподнявшись в кресле, отрывисто прохрипел:

— Зови!

— Он не один. С ним родственник Казненного, — невозмутимо сказал центурион.

— Пусть проходят оба, — торопливо распорядился Пилат и махнул рукой.

Ему почему-то захотелось сделать что-то хорошее для неизвестного родственника. Это ему было совершенно несвойственно. И Пилат не мог понять, что он может еще сделать, когда все уже совершилось. Странное волнение, не покидавшее его целый день, к вечеру стало еще сильнее. И приход неизвестного родственника Казненного давал ему какую-то смутную надежду на успокоение. Он, словно утопающий, уцепился

за соломинку. Чувство вины, еще плохо им осознанное, волновало его и не давало покоя. «Может, дать ему денег? — подумал он. — Казненный был явно не богат. Значит, и родственники такие же бедняки», — решил он. На мгновение он даже обрадовался своей мысли, обманывая себя тем, что деньги могут как-то исправить ошибку. Когда же через некоторое время перед ним вместе с сотником предстал Иосиф Аримафейский, Пилат огорчился. Иосифа он хорошо знал. Его богатство и знатность исключали всякую попытку загладить дело деньгами.

— Я пришел просить тебя, чтобы ты отдал тело казненного Учителя, — сказал Иосиф Пилату.

— Разве Он умер? — Пилат посмотрел на Лонгина.

— Да, Он умер, — по-военному четко ответил тот.

Пилат с любопытством разглядывал ожидающегося его ответа Иосифа. «Что могло связывать этого богача и казненного мной бродягу?» — подумал он, и перед его глазами всплыло из памяти лицо Казненного. Пилат

вспомнил Его чистые голубые глаза, полные непонятной и непривычной ему любви и сострадания. «Он словно Сам обвинял меня в чем-то», — подумал он и вздрогнул. Иосиф по-прежнему напряженно ждал ответа.

— Если Он умер, ничто не мешает тебе забрать тело, — сказал он неожиданно твердо, как будто отчеканил.

Иосиф поклонился и, не теряя времени, вышел. Пилат, оставшись с Лонгином один на один, подозвал его к себе поближе.

— Как это было? — спросил он.

— Я ударил Его копьём. — Сказав это, Лонгин сморщился, словно сам почувствовал боль этого удара.

— Иди и проследи, чтобы не было препятствий при погребении. — И в подтверждение своих слов, Пилат махнул ему рукой.

День клонился к вечеру, и Иосиф очень торопился. Выйдя из претории, он встретил Никодима, который также спешил к месту казни. Он нес туда состав смирны и алоэ, необходимый для погребения. По прибытии на место они сняли тело Учителя с креста, умастили благовониями и, обвинив чистой

плащаницей, положили Его в пещере в саду, привалив ко входу камень.

Я Гора, и помню тот час, когда я приняла в себя Его тело. Я видела, как у гроба стояла Та, Кто Его Мать. Что видит и чувствует Мать, когда хоронят Сына? Кому, как не мне, знать это. Много раз видела я, как родители расстаются с детьми навсегда. Разве кто-то может передать эту вечную боль расставания? Если бы кто-то смог собрать все слезы, пролитые на меня при расставании с любящими и любимыми, то море вряд ли вместит их. Но знай, человек, что и всех этих слез, пролитых на меня, не хватит, чтобы сравнились они с Ее болью. Скорбен был тот час, и плач Ее сердца так велик, что мне не рассказать о нем. Пусть умолкнут ветра и спадут с неба звезды, померкнут луна и солнце, но никому не рассказать о том плаче, которым плакала Она.

Но я свидетельствую тебе, человек, что не видно мне было ропота на Ее лице. Она с надеждой взирала на небеса, и чуда ждала душа Ее.

Пришла ночь, и те, кто Его хоронили, ушли. Их сменили другие, те глупцы, что

боялись Его. Они встали на стражу у входа во гроб и печатью запечатали его. Но Тот, Кто был во мне, выше всех! Разве рука человека удержит Его? Он был во мне в ту ночь, и я содрогнулась, увидев Славу Его. Раскололась твердь моя, как орех, и Он сошел туда, где ад. Ногой Своей Он попирал тьму, и свет Славы Его сиял, как тысячи солнц. Те, кто там были в великом плену, ликовали, видя спасение свое.

Мир и Город еще спал, не зная ничего. Но я, Гора, свидетельствую тебе, человек, Он победил тьму и сломал ворота зла. Нога Его попирала смерть, а рука утирала слезы тем, кто от века ждал Его.

Я, Гора, свидетельствую тебе об этом, человек, и скажу словами того, у кого золотые уста: «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?»

Слово Ветра

Когда над Ним сомкнулись своды земли и камень затворил вход во гроб, я был там. Горе мое было, как и у всех, кто Его любил, и не было покоя мне. Ночь темная, как сама тьма, поглотила мир. И те, кто Его любил, скорбели так, что крик их сердец достигал небес.

Я, Ветер, был там в ту ночь и видел тех, кто пришли встать на стражу. Но разве можно удержать свет? И кто способен спрятать Того, Кто выше всего?

Петр, вернувшись в Город, стал разыскивать тех, кто были Его учениками. Он потратил весь вечер, пока не собрал всех в той горнице, где была та памятная вечеря с Учителем. Смятение, что было у них на душе, прошло, и каждый из учеников

ждал чего-то неведомого и неизвестного. Это ожидание становилось все сильнее. Чувство тревоги и страха миновало. Приближалась суббота, и никто не хотел выходить на улицу, все остались в горнице. Петр то и дело украдкой посматривал на Иоанна. Его спокойное лицо скрывало в себе какую-то тайну. Но он не стал его ни о чем расспрашивать. Суббота прошла тихо и спокойно. Волнение учеников улеглось, говорить между собой им совершенно не хотелось. Предчувствие чего-то неизвестного и таинственного усилилось. Каждый думал по-прежнему о своем, но никто не желал ни с кем делиться своими переживаниями. Так, без особой цели, в покое, что положен по заповеди, прошел день.

Та, Кто была Его Мать, в субботу была в том же саду у маленького домика, где Она жила. Никто не тревожил Ее покой. Каждый, сочувствуя Ее горю, старался быть бережным и не беспокоить Ее понапрасну. В ту ночь Она не спала и ждала. И я свидетельствую тебе человек, что Он пришел к Ней и сказал, что воскрес. Он пришел сначала к Ней, потому что Она Мать. А потом Его

увидел брат, тот, что ждал Его воскресения в пещере у города. Они первые на земле сподобились видеть Его. Люди еще спали в ту ночь, но мир уже ликовал, видя Славу Его.

Утром Петра разбудил стук в закрытую дверь и чьи-то возбужденные голоса. Петр протер сонные глаза и подошел к запертой двери.

— Кто там? — спросил он.

— Это я, Мария из Магдалы. Открой скорее.

Петр, услышав знакомый голос, отворил дверь. На пороге стояла Мария. Ее волосы были растрепаны, а порывистое дыхание говорило о том, что она слишком спешила увидеть Петра.

— Учитель воскрес! — крикнула она, и ее лицо засияло от счастья.

— Что ты говоришь? Повтори! — переспросил он.

— Я говорю, что Учитель воскрес! Его нет в гробе! Я видела Ангелов, которые сказали, что Он воскрес!

Петр не успел ничего понять и сказать, как его оттолкнул от двери Иоанн. Он, ничего не объясняя, выбежал на улицу и побе-

жал куда-то. «Он спешит ко гробу», — догадался Петр и побежал следом. Они бежали радостные и счастливые по Городу, и каждый из них знал, что это так. Им хотелось видеть и слышать Его, поэтому они спешили. Иоанн, пользуясь своей молодостью, добежал быстрее. Он заглянул в открытый гроб и увидел плат и пелены, лежащие отдельно. Немного позже прибежал и Петр.

Он вошел в пещеру и осмотрелся. Учителя не было. Погребальные пелены лежали сложенные в стороне. Все помещение сохраняло какой-то тонкий еле уловимый аромат. «Его нет здесь. Увижу ли я Его снова?» — подумал Петр и вышел наружу. Иоанн сидел на камне у входа и светился, словно и был тот Ангел, что возвещал воскресение Учителя. «Все-таки он счастливей меня, — подумал Петр. — Его любовь не нуждается в свидетельствах. Он просто верит, любит и ждет. И ничего другое его не волнует». Петр огляделся вокруг, словно желая увидеть воскресшего Учителя. Но сад, храня тайну Его воскресения, был безмолвен. Оставаться в нем дольше было бессмысленно, и они пошли по склону молча,

каждый думая и переживая о своем. И так же, как и недавно, Иоанн ушел вперед, потому что спешил. Ему хотелось прийти к Его Матери и обрадовать Ее. Удаляясь, он обернулся и посмотрел на Петра. Но тот, словно опережая его вопрос, сделал ему знак рукой, означающий, что сам еще побудет в саду. Иоанн прибавил шагу и скрылся за деревьями.

Петр остался один. Он медленно шел по тропинке, снова вспоминая то, что было здесь недавно. «Мне бы только увидеть Его, — думал он. — Увидеть и спросить, простил ли Он меня?» Мысль и воспоминание о грехе предательства тревожили его душу. И Петр незаметно для себя заплакал теплыми слезами покаяния. Тропинка сделала крутой поворот, и он, свернув, заметил впереди себя тихо идущего Человека, одетого в ослепительно белый хитон. Его походка и поступь показалась Петру чем-то знакомой. Он прибавил шагу, но и Незнакомец пошел быстрее. Тогда Петр побежал. И когда до неизвестного осталось всего несколько шагов, Он обернулся и посмотрел на Петра. Это был Он! Петр встал как вкопанный. Радость встречи и пере-

живания о своем падении причудливо перемешались в его душе. Учитель улыбнулся ему той самой до боли знакомой улыбкой, полной бесконечной любви. И Петр, разрыдавшись как маленькое дитя, упал перед Ним на колени. Слезы лились из его глаз бурным неудержимым потоком.

— Прости меня, Господи! Прости меня! — твердил он и бил себя в грудь кулаком, как тот мытарь из притчи Учителя.

И снова сладкая и такая знакомая ему радость заполнила его сердце. «Он любит меня!» — догадался Петр и поднял заплаканные глаза.

Сад был пуст. Учитель исчез так же внезапно, как и появился.

«Он воскрес! Он действительно воскрес! И Он любит меня! Нет, Он любит всех нас! Любит каждого человека на этой земле! И не только человека, но и все Свое творение!» — радостно думал он.

— Господи, сделай нас достойными Своей любви! — воскликнул Петр и где-то там, в самой глубине сердца, он услышал ответ:

— Да! — сказала оно.

Слово всего творения

Весь мир свидетель тому, человек.
И я, Ночь, та, что покрывает Великий Го-
род своим покрывалом, говорю тебе: Он
воскрес!

Я Ночь, и тьма мое время. Но я, Ночь,
тогда стала ярче дня. Потому что Он вос-
крес! Те, кто стоял и охранял вход во гроб,
упали, словно скошенные колосья на землю.
И страх объял их. Я говорю тебе, человек,
о том, что видели глаза мои. Это великий
свет, он ярче солнца, и он ослепил мир.

Он воскрес! И все страшное уже позади.
Я видела, как Он явился сначала Той, Кто Его
Мать, и сказал Ей, что Он воскрес.

— Я ждала Тебя, Сын Мой, — ответила
Она Ему. — Ты воскрес! И Я ждала Тебя!

Сердце Мое не верило в смерть, и Я ждала Тебя! Вера укрепляла Меня, и Я ждала Тебя, Сын Мой! Надежда была утешением Мне, и Я верила в Твой приход! Любовь к Тебе дала Мне сил, и Я ждала Тебя!

Если есть радость и счастье на земле, какие они? Я, Ночь, всегда знала лишь темноту. Но тогда ярче света стала я. Потому что Он воскрес!

Я Гора, где был Он. Но я вздрогнула, как будто гром прогремел. Потому что Он воскрес! Он воскрес и попрал смерть, она бежала от Него! И я свидетельствую тебе, человек, что смерти больше нет! Потому что Он воскрес и победил ее!

Я видела, как те, что Его охраняли, бежали от страха кто куда. А те, кто любил Его и ждал возвращения Его, радостно встречали Его. Потому что Он воскрес! Я слышала, как Та, Кто Его Мать, воздала Богу хвалу. Потому что Он воскрес и Она первая видела Его. От счастья и радости стучало сердце Ее. Потому что Он воскрес!

Я Луна, и освещаю мир ночью, но поблек мой свет в ту ночь. Потому что Он воскрес!

Я Луна, и видела Славу Его в тот миг, когда камень отлетел от гроба Его. Потому что Он воскрес!

Я свидетельствую тебе, человек, что запели в тот час Небеса, и я видела, как славят Его Ангелы, служащие Ему. Потому что Он воскрес! Я видела, как засияло светом радости лицо Той, Которая Его Мать. Потому что Он воскрес!

Я Луна, и знаю теперь, что погибла тьма, и нет силы у нее. Потому что Он воскрес!

Я Дерево в саду, и трепещет от радости моя листва. Потому что Он воскрес!

Я Дерево, и в ветвях моих много птиц находят приют, и они пели как никогда. Потому что Он воскрес!

Я Дерево, и свидетельствую тебе, человек, что слышало песню радости сердца Той, Кто Его Мать, и нет лучше песни Ее. Потому что Он воскрес! Он воскрес, кричу я всему живому вокруг. И слышу в ответ — радуйтесь, все и вся. Потому что Он воскрес!

Я Камень, что лежит в саду. Ликую и радуюсь я. Потому что Он воскрес!

Я Камень, и не могу кричать, и нет быстрых ног у меня. Но я слышу, как каждая песчинка вокруг радуется вместе со мной. Потому что Он воскрес!

И я свидетельствую тебе, человек, что Он тверже всех камней. И нет никого, кто бы мог против Него устоять. Потому что Он воскрес!

Я, Камень, слышал и видел, как крепость и сила Его сокрушили ад и низвергли. Потому что Он воскрес!

Я, Камень, видел, как Та, Кто Его Мать, была утешена Им. Потому что Он воскрес!

Я Утренняя Заря, и я видела тех из них, кто шел ко гробу поклониться Ему. И великая радость была у них. Потому что Он воскрес!

Я, Заря, видела, как Он встретил тех, кого любил, и утешил их. Потому что Он воскрес!

Я Заря, и мне хорошо было видно двух учеников, бежавших ко гробу искать Его, и велико было удивление их. Потому что Он воскрес!

Я Заря, и свидетельствую тебе, человек, что утро того дня было словно гром над землей. Потому что Он воскрес!

Я Заря, и я видела Ту, Кто Его Мать, и все утро Она была в молитве к Нему. Потому что Он воскрес!

Я Земля, и я сотряслась от счастья, и велика была дрожь моя. Потому что Он воскрес!

Я Земля, видела, как из меня выросла новая жизнь, словно росток. Потому что Он воскрес!

Я свидетельствую тебе, человек, что Он каждого зовет к Себе и всякого любит Он. Потому что Он воскрес!

Я Земля, и я видела Ту, Кто Его Мать, и слезы радости капали из Ее глаз на меня. Потому что Он воскрес!

Я Город, и велико ликование мое. Потому что Он воскрес!

Я Город, и дом для людей, но Он открыл всем нам дорогу в небесный дом. Потому что Он воскрес!

Я Город, и свидетельствую тебе человек, что всякий, кто захочет, может прийти к Нему. Потому что Он воскрес!

Я, Город, видел Ту, Кто Его Мать, и Она стала Матерью всех, ищущих Его. Потому что Он воскрес!

Я День, и свет мое ремесло, но я померк.
Потому что Он воскрес!

Я День, и мне видно все. Но Он открыл
Собой новый бескрайний день. Потому что
Он воскрес!

Я, День, и видел с высоты, как ликовали
те, кто любил Его, и как посрамились те, кто
ненавидел Его. Потому что Он воскрес!

И я свидетельствую тебе, человек, что
Царствию Его не будет конца. Потому что
Он воскрес!

Я День, видел Ту, Кто Его Мать. Она го-
рела на небосводе, как утренняя звезда. По-
тому что Он воскрес!

Я Солнце, свечу миру и даю ему свет. Но по-
меркло я перед Ним. Потому что Он воскрес!

Я, Солнце, и от света моего исходит теп-
ло. Но Его свет согревает мир любовью. По-
тому что Он воскрес!

Я, Солнце, свидетельствую тебе, человек,
что правда Его светит ярче меня. Потому что
Он воскрес!

Я, Солнце, видело Ту, Кто Его Мать.
И слава Ее выше, чем все ангелы и святые.
Потому что Он воскрес!

Я Ветер, дороги мои вся земля, и по всей земле слава Его. Потому что Он воскрес!

Я Ветер, от зари до зари ношу по небу облака и лью дождь. А Он изливает на мир Свою благодать. Потому что Он воскрес!

Я Ветер, и знаю, что и через века слава имени Его не померкнет. Потому что Он воскрес!

Я Ветер, и свидетельствую тебе, человек, что когда-нибудь Он снова сойдет к земле, чтобы судить ее. Потому что Он воскрес!

Я, Ветер, видел Ту, Кто Его Мать. И скажу тебе, человек, что до самого последнего дня Она защита и опора, и покров Ее покрывает тебя. Потому что Он воскрес!

Прошли те великие дни. Его воскресение, потрясшее мир, кого-то привлекло к Нему, кого-то оттолкнуло. Слепота человеческая так велика, что, казалось, ничто не может развеять тьму, окутывающую людей. До сего дня еще очень многие люди по-прежнему сомневаются и не верят таким неопровержимым свидетельствам о Нем.

После Его воскресения прошло несколько дней. Он уже не раз являлся Своим ученикам, тем одиннадцати. И они уже не боялись той великой тайны, которая открылась их взору. В один из дней я видел их всех на море. Они ловили рыбу, и Он снова пришел к ним. Я помню, как Он трижды утвердил Петра. И Петр, раскаявшийся в своем

предательстве, был восстановлен им в лике апостолов.

Иоанн задумчиво сидел на берегу. Учитель, так внезапно появившийся сегодня, так же внезапно исчез. Легкий ветерок покачивал морскую волну, и она, лениво перебегая по прибрежной гальке, устало лизала берег. Морской покой, голубое бездонное небо, что может быть лучше? «О чем говорил Учитель? Что Он имел в виду, когда говорил мне, что хочет, чтобы я был с Ним?» — вспоминал Иоанн. Он снова и снова перебирал в памяти эти непонятные слова. Их загадочность и необъяснимость манила его к себе так же сильно, как и бескрайний морской простор. «Что значит — пусть пребудет, пока Я приду?» — напряженно думал он и не находил ответа.

По кромке прибоя, весело перебирая длинными худыми ножками, бегал куличок. Он деловито ворошил клювом пучки водорослей и травы, попадающиеся ему на пути. Увидев его, Иоанн улыбнулся. «Смешная птица, — подумал он, — вся в делах, заботах, и нет ей никакого дела до меня и всех нас.

Живет себе просто на земле, растит птенцов. Может, и мне не стоит думать о загадочных словах Учителя? Все равно не понять их и не постигнуть умом. Стоит, наверное, жить. Жить просто, как вот эта птица. Как небо, море — жить, как все вокруг. А там само время откроет и объяснит, что говорил Учитель». И Иоанн, довольный своей догадкой, улынулся по-детски открыто и широко.

Петр тоже сидел и смотрел на море. Танцы и заботы смешного куличка его не волновали. Он был совершенно счастлив в эту минуту. «Он простил меня! — стучало радостно его сердце. — Простил, и это самое главное!» Радость теплой ласковой волной, такой же тихой и нежной, как прибой, захлестнула его душу. Он был рад всему сейчас в этом мире. Морю, небу, белым кучевым облакам, ветру и самой жизни. «Как хорошо! Как удивительно хорошо!» — стучало его сердце.

Петр уже совсем забыл слова Учителя о том, что он куда-то пойдет, куда не хочет, и его кто-то поведет. Но эти слова вдруг со всей ясностью всплыли в его памяти, словно облачко на небе. Они на мгновенье

закрыли собой то солнце радости, которым он был переполнен. И Петр, словно ветерок, прогнал это воспоминание, как назойливую тучку. «Какая разница, — размышлял он, — зачем мне об этом думать? И стоит ли вообще думать о чем-то сегодня, кроме как о той радости, которая сейчас во мне и во всем мире вокруг?» И он, словно бы ища подтверждения своим размышлениям, огляделся по сторонам. «Вот и он тоже чему-то рад, — подумал Петр, увидев улыбающегося Иоанна. — Он всегда рад, ему всегда хорошо. Какой, в сущности, он счастливый человек. Сколько его знаю, всегда он чему-то рад».

Петр посмотрел на Иоанна с любовью и нежностью. «И все-таки, я сильно к нему привязан». Петра совсем не раздражало то, что Иоанн сегодня, как и всегда, был с ним рядом. И шел вместе с ним за Учителем без Его приглашения. Та недавняя мелкая и глупая обида, что была у Петра на него и, вовсе показалась ему сейчас смешной. «Нет, совершенно определенно, я очень к нему привязан. И хорошо, что мою недавнюю трусость и слабость видел именно он, а не кто-то дру-

гой. Он никогда не упрекнет меня и не напомнит о ней». Воспоминание о недавнем падении снова, словно легкое облачко, набежало на его душу. «Прочь! Прочь наваждение! Он простил меня, а это значит, я снова жив». И Петр, решительно встав, пошел к другим апостолам, которые каждый думая о своем, молча собирали в корзину чудесно пойманную рыбу.

То пророчество, человек, которое услышал о себе Петр, сбылось много лет спустя. Как и говорил Учитель, его против собственного желания связали и повели на казнь. И он прославил тем имя Его.

Слова же, сказанные Учителем Иоанну, до сего дня таят тайну, которую никто на земле не раскрыл. Смерть Иоанна загадочна, и мало кто может сказать о ней что-то определенное. Многие, очень многие думают, что он до сего дня где-то скрывается, ожидая своего Божественного Учителя. Так это или нет, все мы узнаем когда-нибудь. А сейчас даже я, вездесущий Ветер, не смогу приоткрыть завесу этой тайны, настолько она велика.

Вот я и рассказал тебе, человек, о той далекой весне месяца нисана. Но мой рассказ был бы неполным, если бы я больше ничего не сказал тебе о Ней. Что было с Ней после Его воскресения? Видела ли Она Его еще и еще? Если да, то о чем Они говорили? Что было между Ними? Позволь мне, Ветру, умолчать об этом. Скажу лишь только, что, конечно, Он приходил, и не раз, к Своей Матери. А потом много позже, когда Она собралась к Нему, Он пришел к Ней в последний раз, чтобы забрать Ее душу. И сейчас, и всегда Они теперь неразлучны. Обо всем этом ты слышал от других, человек. И мало что можно добавить к их словам. Скажу лишь о том, что все время пребывания Ее на земле Иоанн, как любящий сын, окружил заботой своей. И многие тайны сердца Ее были открыты только ему. Об этом он написал много позже. Но что-то и скрыл от всех нас. Почему он сделал так, знает лишь он и Сам Бог. Не мне судить об этом.

Я же, пользуясь своей вездесущностью, часто навещал Ее. И это было всегда утешительно для меня. Ведь я любил и люблю Ее.

Одно меня волновало в те дни: я видел, как Она постепенно уходила в вечность. «Неужели никто никогда не увидит Ее чистый и светлый лик?» — думал я, и скорбь душила меня. Но, как будто бы читая мои переживания, однажды Она позволила одному из Его учеников написать Ее лик. Он сработал его на доске из того стола, что был сделан Иосифом, когда тот обучал ремеслу плотника Ее Божественного Сына.

Образ получился на удивление точным и красивым, с него смотрела Она, Ее руки нежно прижимали к груди Того, Кто для Нее всё. И я скажу тебе, человек, что скорбно с него смотрит Она на мир из тех далеких дней месяца нисана. Ее дней, дней Марии. И скорбь Ее до сего дня о всяком человеке, живущем на земле. И Она, преодолевая ее, молит беспрестанно Сына и Бога Своего о спасении всех людей. И так будет до самого последнего дня.

Содержание

Слово Ветра	7
Слово Земли	23
Слово Ветра	37
Слово Утренней Зари	44
Слово Ветра	50
Слово Ночи	62
Слово Ветра	70
Слово Камня	82
Слово Ветра	86
Слово Оливкового дерева	93
Слово Ветра	100
Слово Луны	107
Слово Ветра	115
Слово Дня	121
Слово Ветра	128
Слово Великого Города	135
Слово Ветра	140
Слово Солнца	145
Слово Ветра	154
Слово Горы	162
Слово Ветра	170
Слово всего творения	176
Слово Ветра	183

Константин Константинович Певцов

ДНИ МАРИИ

Редактор *Л. А. Чуткова*

Корректоры *Т. А. Копяткевич, Т. Е. Савинская*

Обложка *Е. В. Попкова*

Художественное оформление, *С. Ю. Губин, Фролова В. А.*

Макет, верстка *В. А. Фролова*

Техническое сопровождение *Ю. В. Мосягин*

Сибирская Благовонница

Подписано в печать 24.03.11. Формат 70x100/32

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,0.

Тираж 7 000 экз.

Заказ № 3907.

Адрес издательства:

109012, г. Москва, ул. Никольская, д. 7/9, строение 6,

E-mail: syb-blag@yandex.ru, www.blagozvon.ru.

Отдел оптовых продаж:

109202, г. Москва, шоссе Фрезер, д. 9,

телефон: 8(499) 171-82-45, телефон/факс: 8 (499) 171-98-75.

Отпечатано с электронных носителей издательства:

ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, д. 5.

Телефон: +7(4822) 44-52-03, 44-50-34, телефон/факс +7(4822) 44-42-15.

Home page – www.tverpk.ru. Электронная почта (E-mail): sales@tverpk.ru.